

INSPIRIA

ПОЛНОЧЬ
в кафе
"ЧЕРНЫЙ
ДРОЗД"

Хэзер Уэббер

INSPIRIA

Хэзер Уэббер
Полночь в кафе
«Черный дрозд»
Серия «**Novel. Обыкновенная магия**»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64855496

*Полночь в кафе «Черный дрозд» / Хэзер Уэббер: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-119443-7*

Аннотация

Анна-Кейт приезжает из Бостона в уютный южный городок, расположенный у горного хребта, чтобы разобраться с наследством. Когда-то ее мать буквально сбежала из этого места. Анна-Кейт тоже не собиралась здесь задерживаться, но отныне ей принадлежит семейное кафе "Черный дрозд", с которым связано слишком много загадок и местного фольклора, и она понимает, что не сможет закрыть его одним днем – местных жителей это очень расстроит. Тем более, по преданию только Анна-Кейт, наследница, может правильно приготовить знаменитые "пироги с дроздами", блюдо, что наделяют здесь мистическими свойствами.

Осторожные намеки на волшебство, мягкий юмор, атмосфера небольшого, уютного города... идеально для поклонников Сары Эдисон Аллен и Элис Хофман. – *Booklist*

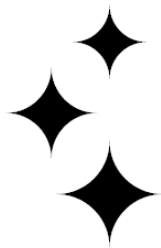
Старинные секреты и шарм южного города... Чтение бодрит,
как стакан чая с ежевикой. – *Карен Уайт*

Содержание

1	7
2	22
3	45
4	68
5	77
6	97
7	111
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Хэзер Уэббер Полночь в кафе «Черный дрозд»

*Посвящается каждому, кто желал бы
отведать пирога «Черный дрозд»*

INSPIRIA

Загляните в яркие миры Inspiria!

Мы выбираем для вас вдохновляющие истории и превращаем их в особенные книги.

«Инспирия» дарит эмоции и новый опыт чтения самым

требовательным читателям. Каждая книга содержит дополнительные материалы, в полном объеме раскрывающие ее мир. А личные отзывы создателей помогут вам найти свою книгу среди лучших. Эти сюжеты хочется пересказывать, а книги не выпускать из рук.

Для этой книги доступны следующие дополнительные материалы:

– плейлист: <https://music.yandex.ru/users/eksmolive/playlists/1078>

– Почему бы вам не рассказать все по порядку? С чего все началось?

– Началось? Пожалуй, с похорон. Туда слетелась целая стая черных дроздов. Устроили настоящий цирк, черт возьми! – Фейлин Уиггинс резко хлопнула по столу ладонью, да так, что сладкий ежевичный чай выплеснулся из чашек. – Погодите! Погодите! Не вздумайте это писать в статье! Матушка заставит меня вымыть рот домашним лимонно-вербеновым мылом, если узнает, что я чертыхаюсь во всеуслышание.

Журналист пролистал блокнот.

– Мне казалось, вы говорили, что ваша мама умерла?

– Ах, вы не поняли. Что, впрочем, простительно, ведь вы не из наших краев. Уиклоу, молодой человек, – необычный городок. Боже, я бы не удивилась, если бы матушка восстала из гроба и прямиком ко мне с куском мыла в костлявых руках! – Решительно кивнув, Фейлин подняла указательный палец. – А вот это можете напечатать.

Анна-Кейт

Дикий гвалт, от которого и мертвый проснется, – не слыш-

ком приятное начало дня.

Очнувшись от крепкого сна, я села на постели и протерла глаза. Только пятнадцать минут шестого. Я не сразу поняла, где нахожусь, – знакомое ощущение. От него всегда становится спокойнее, почти так же, как от старенького лоскутного одеяла, кочующего со мной из города в город.

Постепенно в памяти начали всплывать все события минувшей недели. Уиклоу. Кафе. Похороны. Черные дрозды. Соседи.

О господи, соседи...

Глубоко вдохнув, я откинулась на подушки и прислушалась. Негромко жужжал кондиционер, тикали часы в коридоре, за окном пели птицы. Ничего необычного. Что же меня разбудило? Неужели бедняга Лейзенби опять ломится в двери кафе прямо под моей спальней? Боже мой, только не это! Конечно, милый, несчастный старик просто хочет получить кусок пирога, но я сейчас желаю лишь одного: накрыть голову подушкой и проспять еще полчаса, пока не прозвенит будильник.

Снаружи вновь раздались шум и невнятные крики. Остатки сна улетучились. В недоумении я отбросила в сторону лоскутное одеяло и соскользнула с кровати. Пригнувшись, чтобы никто с улицы не увидел меня в домашней майке и шортах, прокралась по пыльному дощатому полу к окну.

Над горами занимался рассвет – предвестник солнечного, влажного весеннего денька. Внизу во дворике толпились де-

сятка два мужчин и женщин в широкополых шляпах и практичной обуви, с биноклями в руках. Выстроившись вдоль металлической ограды, они разглядывали что-то позади дома. Ни одного из незваных гостей я раньше не встречала.

Не то чтобы я знала всех в Уиклоу. Хотя сложилось впечатление, что с тех пор как перебралась сюда из Бостона, успела перезнакомиться со всеми жителями городка.

Эта неделя выдалась чрезвычайно напряженной. Все закрутилось после того рокового звонка, когда мне сообщили о скоропостижной смерти моей бабушки Зоры Кэллоу, или попросту Зи. Я сломя голову помчалась в Уиклоу – забытый богом городок, затерявшийся среди гор на северо-востоке Алабамы, – поговорить с бабушкиным юристом и распорядиться насчет похорон. Позже пришлось вернуться в Бостон, чтобы забрать вещи и отказаться от съемной комнаты в старом доме недалеко от университета, который я недавно окончила. Завершив дела, я загрузила чемоданы в машину и вновь отправилась в дальний путь: дорога до Уиклоу занимала семнадцать часов.

Приехав, я поселилась в крошечной квартирке над кафе «Черный дрозд». Похоронила любимую бабушку. И все это время тщетно пыталась избегать встреч с добродушными, но очень любопытными соседями, которые стремились выведать как можно больше сведений о загадочной внучке Зи, Анне-Кейт Кэллоу.

То есть обо мне.

Последние несколько дней в кафе сплошным потоком тянулись обитатели Уиклоу. Каждый приходил не с пустыми руками, а с завернутым в фольгу кабачковым хлебом (никогда не видела столько буханок сразу!), забавными историями из жизни, подробными рассказами о Зи и тысячей вопросов. Соседей интересовало буквально все: сколько мне лет, как прошло мое детство, где я училась, от чего четыре года назад умерла мама и кто мой отец. Я с удовольствием слушала их воспоминания о бабушке, но старалась по возможности уклоняться от ответов, особенно когда меня расспрашивали о папе: рано пока об этом говорить.

Теперь на кабачковый хлеб я даже смотреть не могу. События минувшей недели и без того меня совершенно вымотали, а тут еще это сборище под окнами с утра пораньше. Кто все эти люди?

Я толкнула вверх разбухшую от сырости оконную раму. Она протестующе закрипела. Лицо овеял теплый, влажный воздух, словно прикоснувшись мокрым полотенцем.

– Эй! Доброе утро! – От звуков собственного голоса в висках запульсировала боль.

Накануне я весь день готовилась к открытию кафе. Единственные его сотрудники, энергичные супруги Лук и Джина Бартелеми, организовали для меня ускоренный обучающий курс: подсказали, как заказывать продукты, проводить инвентаризацию и обслуживать клиентов, помогли овладеть азами бухгалтерии. Кроме того, я ознакомилась с меню, со-

стряпала несколько блюд и узнала, что где лежит на кухне. К вечеру в голове образовался полнейший сумбур, но Лук с Джиной клялись и божились, что я быстро освоюсь.

И сейчас, на рассвете, затаившись у окна и мечтая о тишине и чашке крепкого кофе, я в который раз задалась вопросом, зачем приехала в Уиклоу, пусть и ненадолго. Почему я оказалась в этом городишке, таком крошечном, что в нем установлено всего-навсего два светофора? Я должна быть дома, в Массачусетсе, и готовиться к переезду в Вустер, где уже в середине августа у меня начинаются занятия в медицинском университете.

Ах да. Я здесь из-за бабушки Зи.

Точнее, из-за ее завещания.

– Вон, вон там! – крикнул кто-то из толпы, указывая за угол дома, но тут же досадливо поправился: – Нет, показалось. Это обычная ворона.

Собравшиеся разочарованно загудели.

– Эй! – снова окликнула их я.

Никто меня не услышал.

Я второпях накинула халат и, пригладив непослушные волосы, по старой, скрипучей лестнице спустилась на первый этаж. Потемневшие от времени сосновые ступени, за несколько десятилетий отполированные до блеска, напоминали атласную ткань. Я легко могла представить себе, как Зи спешит по ним вверх и вниз – странно, если учесть, что я ни разу этого не видела, поскольку никогда раньше не бывала в

кафе «Черный дрозд», да и вообще в Уиклоу.

Раньше мне было запрещено здесь появляться. Так глаasila семейная заповедь, которую учредила моя мама, Иден, покинувшая этот дом двадцать пять лет назад и поклявшаяся не возвращаться. Ей в ту пору едва исполнилось восемнадцать, и она была на втором месяце беременности.

Все мое детство мама упорно отмалчивалась в ответ на мои расспросы об Уиклоу, бабушкином кафе, черных дроздах, папиной трагической смерти и его родителях, которых мама люто ненавидела. Конечно, я не вправе ее винить. Ведь мама потеряла в Уиклоу многое, включая любовь всей жизни, и чуть не лишилась свободы после того, как ее обвинили в убийстве. А еще, уехав из Уиклоу, мама утратила частицу себя.

Я взглянула на крупные, ровные буквы над холодильником. От одной стены к другой через все помещение тянулась надпись:

«Под полуночным небом
Песни черных дроздов
Нам подарят любовь
Тех, что канули в небыль.
Пироги надо печь,
Чтоб звучала их речь
Под полуночным небом».

К недовольству мамы, я, благодаря Зи, зазубрила этот сти-

шок сразу же, как только немного подросла и начала говорить целыми фразами.

Однажды, когда мне было семь, мама вернулась с работы пораньше и застала нас на кухне: Зи учила меня печь ее знаменитый пирог «Черный дрозд». В тот день они сильно повздорили. Мама отправила меня в детскую, но и туда доносились их голоса: раздраженный, полный горечи – мамин и умоляющий – бабушкин. Они спорили из-за меня, Уиклоу и, что удивительно, из-за пирога. Кстати, никаких птиц в него не запекают. В качестве начинки в «Черный дрозд» кладут фрукты.

– Я не хочу, чтобы ты рассказывала Анне-Кейт о черных дроздах. Обещай, что не будешь, – требовала мама.

Она неспроста настаивала на обещании: все члены семьи Кэллоу гордились тем, что всегда держат слово.

Зи тяжело вздыхала.

– Ты не сможешь всю жизнь скрывать от нее правду. Твоя дочь должна все знать. Анна-Кейт имеет на это право, она его унаследовала!

– Зачем? Она все равно никогда не поедет в Уиклоу.

– Мы обе понимаем, что это не так. В один прекрасный день Анна-Кейт вернется в Уиклоу, да и ты тоже. Ваше место там, где ваши корни, и судьба обязательно приведет вас туда.

– Только через мой труп!

– Дорогая моя, ты не сумеешь это предотвратить, даже если сбежишь на край света.

– Обещай, – категорично повторила мама.

Казалось, Зи молчала целую вечность, прежде чем произнести:

– Обещаю, что не стану больше говорить с Анной-Кейт о черных дроздах.

Мама, как и Зи, от природы настойчивая и непреклонная, впитала эти черты с молоком матери. Бабушка была не из тех, кто готов отступить и поменять свои убеждения.

Этим же вечером, укладывая меня спать, Зи предложила мне послушать одну историю.

– Только это должно остаться между нами, Анна-Кейт.

Я дала слово молчать. То была первая из множества наших тайн, которые я никому не раскрыла до сих пор.

Бабушка сжала мою руку и начала:

– Давным-давно жила-была кельтская семья. Все женщины в ней обладали добротой, сочувствием и даром врачевания. Они знали оживительной силе Земли и использовали ее, чтобы исцелять, утешать, успокаивать. Помогая другим, они сами обретали счастье и мир в душе. У этих женщин был один секрет.

– Какой секрет?

– Огромный! – Бабушка понизила голос. Ее речь с мягким южным выговором обволакивала ласковым теплом. – Они – хранительницы портала, соединяющего тот свет и этот. По магическому проходу под полуночным небом духи проникают в наш мир.

– Тот свет? Это как Небеса, да?

– Именно, милая.

Зи продолжала свой рассказ, и я чувствовала: ее слова – истинная правда, какой бы невероятной она ни казалась. Хранительницы... спрятанный среди листьев портал... послания с того света, запеченные в пирог... Вроде бы нелепость, глупая выдумка, но все это воспринималось как повествование об исторических событиях. И более того – как наследие.

Зи, к ее чести, формально сдержала обещание: она никогда не упоминала о дроздах. В наших беседах бабушка называла их черными как ночь птицами, оберегающими деревья. Зи поведала мне все, что нужно было знать о дроздах и их предназначении. За многие годы бабушка дала мне разностороннее образование: я научилась искусству кулинарии, усвоила множество жизненно важных уроков, а во время наших длительных прогулок лучше узнала природу.

Возможно, Зи заблаговременно подготавливала меня к тому дню, когда вдруг выяснилось, что я должна два месяца заниматься делами кафе. Много лет назад бабушка предсказала, что я непременно вернусь в Уиклоу. Она не сомневалась, что так будет.

Со вздохом, отвлекшись от мыслей о маме, Зи и черных дроздах, я отперла дверь – вход в кафе. Вернувшись в кухню, прошла на большую, пострадавшую от непогоды террасу через раму из проволочной сетки. Та с глухим стуком за-

хлопнулась за спиной.

Майский рассвет окрасил небо ярко-оранжевым, добавив несколько нежно-розовых штрихов. Отовсюду слышался многоголосый птичий щебет. В свежем воздухе витал аромат мяты и базилика.

Я оглядела гравийные дорожки, обложенные камнями клумбы, травы, цветы и небольшой огород. Бабушка вложила в сад всю душу. Это чувствовалось в каждом трепещущем на ветру листочке.

Неприветливо покосившись на расположенную у крыльца грядку с парой худосочных, захиревших кабачков, я направилась к выстроившимся у забора незнакомцам. Некоторые при виде меня вежливо улыбнулись. Мужчина лет шестидесяти, стоящий на шаг впереди остальных, поздоровался:

– Доброе утро, мэм.

За прошедшую неделю меня называли «мэм» по меньшей мере раз двадцать. И хотя на юге так принято обращаться ко всем женщинам, это раздражало. У нас на севере никто так не выражается, разве что старики.

Заговоривший со мной человек был одет в камуфляжные штаны и футболку с надписью «Птицелюб». На голове у него красовалась бежевая широкополая панама, а на ногах – походные сапоги, которые больше подошли бы для тропинок возвышавшейся невдалеке горы Лукаут, чем для провинциального кафе.

– Доброе утро. – Свежесть и прохлада не особенно облег-

чили головную боль. – Сожалею, но кафе откроется только в восемь.

– Мы тут не за этим, – перебил мужчина. На его носу, похожем на луковицу, подрагивали бусинки пота.

Я сунула руки в карманы.

– Не за этим? А зачем? Что вы делаете в моем дворе, да еще в такую рань?

В голосе мужчины зазвучал неподдельный энтузиазм:

– Мы члены Общества орнитологов Алабамы из города Мобил. Приехали посмотреть на *Turdus merula*. Вы их уже видели?

– Тур... что?

– Черных дроздов, – отдельно артикулируя, пояснил мужчина и, вытащив телефон, показал фотографию. Наверное, решил, что я туго соображаю. – По имеющимся сведениям, на городском кладбище несколько дней назад видели целую стаю *Turdus merula*. Один местный житель сказал, что черные дрозды гнездятся здесь, на ветках шелковиц.

Остальные орнитологи, наострив уши, подтянулись ближе.

Я обернулась на две красные шелковицы, растущие в отдалении. Они раскинулись шатром, словно стараясь укрыть весь сад от бедствий и невзгод.

Около века назад Хранительницы приехали из-за границы в маленький южный городок, где между двумя могучими деревьями располагается портал в другой мир. В переплете-

нии их ветвей скрыт проход, который в полночь соединяет тот свет и этот...

Что ж, этого следовало ожидать. В день бабушкиных похорон на кладбище через весь город устремилась стая черных дроздов. У нескольких туристов едва не началась истерика. Местным пришлось уверять, что дрозды не станут нападать на людей, как в фильме «Птицы» Альфреда Хичкока.

Конечно, приезжих можно понять: не так уж часто пернатые слетаются на похороны, чтобы почтить память усопшего. К тому же бытует мнение, что на нашем континенте черные дрозды вообще не водятся.

Жители Уиклоу не придали значения этому событию, разве только отметили, что птицы появились в неурочное время. Черные дрозды всегда были частью этого городка и уже давно стали здесь чем-то обыкновенным и привычным, как здание местного суда, живописные пейзажи и галстуки-бабочки мистера Лейзенби. Приезжих, напротив, появление птиц повергло в шок.

– Мэм! – тормозил меня мужчина. – Вы видели черных дроздов?

– Видела, – наконец откликнулась я. – Самок. Они чуть светлее, чем дрозд на вашей фотографии.

Собравшиеся радостно ахнули. Некоторые из них бросились срочно кому-то звонить.

– Если есть самки, значит, самцы тоже здесь! – Мужчина с торжествующей улыбкой поднял указательный палец.

Я еле сдержалась, чтобы в свою очередь не ткнуть в него пальцем, но промолчала. Самцов тут нет, и сэр Птицелюб сам в этом удостоверится, если пробудет в Уиклоу подольше.

– Как вам кажется, сколько их? – поинтересовался он. – Примерно.

«Всего двадцать четыре птицы, черные как ночь», – говорила Зи.

– Две дюжины.

По толпе пронесся вздох восхищения.

Я заметила, что из соседнего дома, прозванного Домом на холме из-за своего расположения на небольшой горке, вышел мужчина. Прислонился к колонне и нерешительно помахал.

Это Гидеон Киплинг, бабушкин юрист. Он мне нравится: во-первых, держится со мной дружелюбно, а во-вторых, не пробовал всучить мне кабачковый хлеб. Я помахала Гидеону в ответ и вновь повернулась к орнитологам.

– Черные дрозды гнездятся на шелковицах? – спросил их предводитель.

– Не гнездятся. Они там сидят, – уклончиво пояснила я. – Иногда.

Точнее, каждую ночь, с двенадцати до часу, и поют свои песни. Днем черные дрозды появляются крайне редко. Для этого должен быть особый повод. Например, похороны.

Орнитолог нахмурил косматые седые брови.

– Вы уверены, что видели именно черных дроздов, а не

дроздов-белобровиков? Или коровьих трупялов? А может, воронов или ворон? *Turdus merula* – очень редкие птицы. В нашей стране они были замечены всего несколько раз. Последний – на полуострове Кейп-Код, пару лет назад.

Я даже могла бы конкретно указать, в каком именно месте они были замечены: там, где мы жили. Черные дрозды прилетели, когда умерла мама.

Вместо этого я произнесла:

– Абсолютно уверена. В конце концов, это же кафе «Черный дрозд».

Орнитолог поджал губы и скептически прищурился.

– Вы не возражаете, если мы какое-то время побудем здесь и понаблюдаем за птицами?

Что ж, почему бы и нет? Все равно этим людям не понять настоящего предназначения черных дроздов.

– Мэм? Так нам можно здесь задержаться?

Я стиснула зубы.

– У меня два условия.

– Какие?

– Прекратите называть меня «мэм» и оставайтесь по ту сторону забора. Если проголодаетесь, милости просим в кафе. Мы открыты с восьми до двух.

– Большое спасибо, мэ... – Он закашлялся. – Большое спасибо.

– Пожалуйста.

Я направилась обратно к террасе. Проходя мимо кабач-

ков, остановилась, чтобы извиниться за то, что так недоброзыркнула на них, и вдруг заметила темно-серого кота. Он сидел на белой каменной скамейке в центре сада и пристально на меня смотрел.

Если бы у Зи был кот, наверняка кто-нибудь из многочисленных посетителей уже рассказал мне об этом. Хотя соседи так настойчиво пытались выведать, кто мой отец, что, возможно, просто забыли упомянуть о питомце Зи.

Мысленно отметив, что на нем нет ошейника, я почмокала губами и позвала:

– Кис-кис-кис!

Кот напряженно застыл, а потом метнулся на ближайшую клумбу. Я улыбнулась. Приятно, что по крайней мере один из обитателей Уиклоу не жаждет со мной познакомиться. Подавив острое желание тоже укрыться в саду, я поднялась по ступенькам и вошла в кафе навстречу новому дню.

Натали

Если бы мама знала, куда я направляюсь, она бы обязательно стиснула свои знаменитые жемчужные бусы, надула губы и громогласно осведомилась у небес, что же она сделала не так, воспитывая единственную дочь.

Все двадцать восемь лет, что я живу на этом свете, Сили Эрл Линден постоянно обращается к небесам с этим вопросом. Они, насколько мне известно, ни разу не ответили, и их упорное молчание раздражает маму даже больше, чем я. А это еще надо умудриться.

Шагая по Маунтин Лорел Лейн, главной улице Уиклоу, я крепче сжала ручки коляски. По обеим сторонам широкой дороги стояли жилые дома и кирпичные офисные строения, магазины и ресторанчики, а посередине тянулась разделительная полоса с высокими бортиками. Она начиналась в северной части улицы, там, где белел шпиль церкви, и заканчивалась у здания суда.

Около ста лет назад Уиклоу основали художники и мастера декоративно-прикладного искусства. Всех разношерстных жителей городка – молодых и старых, богатых и бедных,

неординарных и заурядных, выходцев из деревни и настоящих леди и джентльменов, — объединила любовь к творчеству и свежему горному воздуху. Уиклоу славился своими потрясающими пейзажами, уютными магазинчиками и талантливыми искусниками. Он был самобытным, неповторимым, и это ежедневно привлекало сюда множество туристов.

Думаю, сейчас Уиклоу переживает не лучшие времена.

С тех пор как я уехала в Монтгомери пять лет назад, около дюжины лавочек и ресторанов закрылись, а оставшиеся еле держатся на плаву, изнемогая под тяжестью налогов. Уж я-то знаю, что такое настоящее изнеможение.

Десять лет назад грянул кризис. Многие мастера и художники, побросав свои дома и магазины, подались в Фэрхоп, Мобил и другие более крупные, богатые города. Спад в экономике прекратился, но местные жители не могут оправиться от него и по сей день.

Правда, недавно был создан специальный комитет по благоустройству Уиклоу. То тут, то там я замечала результаты его трудов: на фонарных столбах висели горшки с пышными цветами, вдоль тротуара появились новенькие металлические урны, а яркие плакаты возвещали о предстоящем праздновании Дня независимости. Конечно, со своей задачей комитет не справлялся: для восстановления былого благополучия города розовых петуний и мусорных корзин было явно недостаточно. Но сами попытки улучшить положение в городе вызывали во мне восхищение. Обитатели Уиклоу с

давних времен отличались терпением и упорством.

Я кинула взгляд на дочку. Олли, что-то лепеча, беззаботно играла с ремешками коляски. Веселая, покладистая малышка – я даже завидовала ее жизнерадостности. Олли пока не понимает, какое горе обрушилось на нас, и слава богу.

Развернувшись, я снова прошла мимо «Черного дрозда». Кафе повезло: одно из немногих заведений, которые смогли пережить кризис. Обитатели Уиклоу его обожают, и не только за легендарные пироги, но и потому, что Зи вкладывала в него душу, щедро одаривая всех посетителей теплом и любовью. Не знаю, сможет ли «Черный дрозд» обходиться без нее.

Я сделала уже два круга по улице, но так и не решилась войти. Безумно хотелось купить кусочек пирога «Черный дрозд», пока его не распродали, но каждый раз, когда я собиралась переступить порог кафе, перед глазами вставало мамино недовольное лицо, и я малодушно проходила мимо.

Я уже давно перестала преднамеренно злить маму и изо всех сил старалась оставить наши вечные размолвки в прошлом, начать все с чистого листа. Наладить отношения с мамой ради Олли. И немножко ради себя.

Мама много лет относилась ко мне холодно, но с недавних пор стала потихоньку оттаивать. Изредка мне перепали от нее то мимолетная улыбка, то ласковый взгляд. Я боялась разрушить хрупкий мир, только зарождающийся между нами... однако жаждала заполучить кусок «Черного дрозда»!

Я отчаянно нуждалась в нем: ведь если то, что говорят о пироге, – правда, я получу ответы, которые позволят успокоиться и жить дальше.

– Натали Линден Уокер! Неужели? С ума сойти! Сколько лет, сколько зим!

Ох, только не это! Угораздило же меня наткнуться именно на Фейлин Уиггинс! Призрачная надежда на то, что мама ничего не узнает о моем визите в кафе, мгновенно улетучилась.

– Доброе утро, Фейлин.

Пенсионерка Фейлин Уиггинс – бывшая школьная учительница рисования, которую хлебом не корми, дай поболтать. Она постоянно трещит с пулеметной скоростью, не успевая толком перевести дух и не дожидаясь ответа. Высокая и полная, с коротко стриженными, выкрашенными в вызывающий угольно-черный цвет волосами, Фейлин в свои шестьдесят с лишним прямо-таки излучала энергию, в отличие от меня, хотя я вдвое моложе.

– Как приятно тебя видеть, милочка! – Она порывисто меня обняла. – Ты тоже в кафе? Ты уже познакомилась с Анной-Кейт? Твоя мама знает, что ты здесь? Я имею в виду здесь, в кафе, а не в городе. Разумеется, ей известно, что ты в Уиклоу. – Фейлин улыбнулась. – Где ты остановилась, дома? Приехала на время или насовсем?

Пропустив мимо ушей большинство вопросов в надежде, что Фейлин, как обычно, о них забудет, я пояснила:

– Мы пока поселились у родителей. – Боже, дай им сил! – В домике для гостей.

Гостевой домик, площадью всего семьсот квадратных футов¹, с двумя спальнями и ванной, находился во дворе родительского дома. Конечно, неуютно жить под неусыпным маминым надзором, и все же это место отлично подходит для того, чтобы собрать по кусочкам рухнувшую жизнь. К тому же я не плачу аренду.

– Док и Сили, поди, несказанно рады твоему приезду. Ой, и твоей малютке тоже! Это у нас Оливия-Ли? – Фейлин, пригнувшись, склонилась над коляской. Ее колени страдальчески хрустнули. – Ай, какая ты красотуля! Вылитая мамочка, это уж точно! Сколько ей лет?

В больших карих глазах Олли появилась растерянность. Фейлин всех приводит в замешательство, даже малышей. Я пригладила дочкины непослушные кудряшки.

– Через пару месяцев исполнится два. Обычно я зову ее просто Олли.

– Олли? Какая прелесть! Никогда не слыхала ничего милее! Вы раньше жили в Монтгомери? А когда вернулись? Верно, только что, раз я еще не встречала тебя ни в церкви, ни вообще в городе. Сколько тебя не было, Натали? Четыре года? Пять? Родители небось на седьмом небе от счастья, что ты дома?

Умолкнув, Фейлин с улыбкой склонила голову набок. Со-

¹ 65 м². (Здесь и далее: прим. перев.)

образив, что она ждет ответа хотя бы на один из своих вопросов, я выбрала самый легкий.

– Вернулись пару недель назад.

Да, я запихнула гордость куда подальше и нехотя потащилась в Уиклоу под раскатистый рев мотора. Глушитель в машине был полностью сломан и починке не подлежал. Как и мое самолюбие.

– Что твоя матушка думает об Анне-Кейт? – Фейлин выгнула темные брови.

– Кто такая Анна-Кейт?

Моя собеседница разинула рот от удивления. Потом резко его закрыла.

– Ну как же, Анна-Кейт Кэллоу! Неужто ты ни сном ни духом...

Кажется, я однажды видела Иден Кэллоу, но совсем ее не помню: мне было всего три, когда она покинула Уиклоу. Родители все эти годы частенько поминали ее недобрым словом. Еще я немного знала Зи, но в основном понаслышке. Для всех Линденов любое общение с семейством Кэллоу и посещения кафе были под строжайшим запретом, поэтому мой визит в «Черный дрозд» – серьезный проступок.

– О чем?

Фейлин перевела взгляд на меня. В ее голубых глазах отразилась напряженная внутренняя борьба, лицо и шея покрылись красными пятнами.

Я оглянулась на кафе. Родители шептались, что теперь его

делами будет заниматься какая-то родственница Зи, но я не придавала этому значения. Если честно, мне все равно. Я хотела только одного: купить пирог. При жизни Зи я не осмеливалась туда зайти, потому что в маминых глазах это был бы непростительный грех. Но сейчас?

Так, небольшое прегрешение.

По крайней мере, я надеялась, что это не нарушит наше зыбкое перемирие. Только бы к тому времени, как я решусь заглянуть в кафе, у них еще остался хоть кусочек пирога... Я никак не ожидала, что сегодня, в день открытия, сюда набегит столько народу. Местные жители заполнили кафе до отказа, да еще во дворике теснилась целая толпа приезжих. Каждый раз, проходя мимо «Черного дрозда», я удивлялась тому, что там собирается все больше людей с фотоаппаратами и садовыми стульями.

Фейлин подняла руку к груди.

– Ну, просто... Я подозреваю, что она... Ну, то есть весь город уверен, что Анна-Кейт – твоя... – Она закашлялась и сморщила нос. – Пожалуй, лучше бы тебе самой с ней потолковать. Тогда все поймешь.

– Ясно, – неопределенно пробормотала я.

Ну что ж, раз уж я и так намереваюсь отведать запретного пирога, то могу заодно познакомиться с девушкой из рода Кэллоу. Семь бед – один ответ. Надо просто решиться войти в кафе, и будь что будет.

Ну подумаешь, мама поскандалит немного, вызывая к небе-

сам.

В конце концов она успокоится.

Наверное.

Хотя не исключено, что между нами вновь возникнут холодность и отчуждение. Я с трудом подавила вздох. Сили Эрл Линден всегда предпочитала наказывать меня ледяным молчанием, и, честно говоря, это действовало куда эффективнее, чем если бы она попыталась меня отшлепать. Я была бы рада сказать, что за эти годы научилась относиться к маминым бойкотам равнодушно, но это не так, а я терпеть не могу ложь.

Если бы я только знала, когда выходила замуж, что мой избранник – лжец...

Не обращая внимания на щемящую боль в груди, я смахнула пылинку с широкой бретельки платья.

– Ну, хорошо... – Словно прочитав мои мысли, Фейлин прибавила: – Слышала, что приключилось с твоим Мэттью. Мне очень жаль! Горе-то какое... – Она покачала головой так, что ее крупные серьги-кольца мотнулись туда-сюда, и прицокнула языком. – Совсем молодой... Ты-то как? Справляешься? Сколько времени уже прошло после несчастного случая? Год? Полтора? Около того?

Вот почему, вернувшись в Уиклоу, я избегала встреч с кем бы то ни было: не хотела обсуждать Мэттью. И свое горе. И несчастный случай... Если, конечно, это был несчастный случай.

Однако я в Уиклоу, а местные жители считают своим долгом выражать соболезнование и высказывать все, что у них на уме. Им интересно, что и как произошло, хотя мне и самой ничего не ясно. Пока.

Фейлин качнулась с пятки на носки и в ожидании ответа вновь наклонила голову.

Я сжала зубы так, что заныла челюсть.

— Год, семь месяцев, три дня и два часа. — Я усилием воли расслабила напряженные пальцы, стиснувшие ручку коляски. — Около того.

Фейлин широко распахнула глаза.

— Ох... Помоги тебе Господь!

Она обняла меня за плечи, крепко прижала к пышной груди, обволакивая добротой и ароматом лимонно-вербенового мыла, и погладила по голове.

— Бедняжка! Я тебя понимаю. Мой Гарольд уже много лет как помер. Если тебе, милочка, нужна будет жилетка, чтобы поплакать, только позови. Я всегда ношу мягкие, уютные жилетки.

Я сморгнула слезы. Полтора года назад, когда у меня отобрали дом, я зареклась плакать. Просто... У посторонней женщины я за пять минут нашла больше сочувствия и утешения, чем у родной матери за девятнадцать месяцев. Мама ограничилась тем, что прислала цветы на похороны Мэттью.

— Спасибо, Фейлин. Я очень ценю твою поддержку.

Я изо всех сил старалась сохранять спокойствие — этому

я училась все месяцы после смерти Мэтта.

– Не за что, лапонька, совсем не за что. Понадобится что-нибудь – обращайся. Я всегда рада помочь. – Фейлин наклонилась к Олли. – Почему бы не подружить твою очаровательную детку с моей Линди-Лу? В прошлом месяце внучке стукнуло два годика. Помнишь мою дочь Марси?

– Конечно, помню.

Здесь, в маленьком городке, все друг друга знают. Каждому известно, что происходит в жизни соседей. Поэтому я была в курсе, как переживала Фейлин, когда Марси поступила в колледж и укатила в Калифорнию.

Никого не удивило, что Марси уехала: никто так не нуждался в отдыхе от общества Фейлин, как ее дочь. Многие были ошеломлены, когда после колледжа Марси вернулась.

Многие, но не я.

По-моему, все девушки из Уиклоу рано или поздно возвращаются к родным пенатам и к своим матерям.

– Линди-Лу – дочурка Марси. Я остаюсь с ней пару раз в неделю. Если хочешь освободить немного времени для себя, Натали, я могу посидеть с обеими. Где одна – там и две. Спроси кого угодно – лучшей няньки тебе не сыскать!

Олли заворуженно глядела на Фейлин. Да и я наверняка смотрела на пожилую женщину точно так же. Вот из-за таких соседей, как она, я и перебралась обратно в Уиклоу. Ради того, чтобы Олли повсюду окружали друзья, я готова примириться с тем, что все суют нос в мои дела, бередя старую

рану.

– Огромное спасибо за великодушное предложение, Фейлин, но я сейчас редко куда-нибудь выхожу.

– Уверена, скоро у тебя появится много интересных занятий. Комитеты не справляются, и дела в городе идут неважно. Чтобы жизнь снова закипела, нужна молодая, горячая кровь. Без молодежи никуда. Ты бы очень помогла! Док говорит, что в Монтгомери ты активно участвовала в общественной жизни.

Это правда. Я была членом всевозможных организаций: от Общества историков и Национального объединения дочерей Конфедерации² до христианской общины и Молодежной лиги³, но ушла оттуда, когда мои попытки забеременеть наконец увенчались успехом.

Теперь я с ностальгией вспоминаю свои увлечения и жалею, что их забросила.

– Просто позови, когда тебе нужна будет помощь, и я сразу примчусь, – улыбнулась Фейлин. – Какая хорошенькая у Олли повязка! Чудо! Надо купить такую внучке. Линди-Лу – настоящий ангелочек, но у нее лысинка прямо как у мистера

² Национальное объединение дочерей Конфедерации (*англ.* United Daughters of the Confederacy) – общественная женская организация, занимающаяся в основном поиском и сохранением информации о войне между Севером и Югом.

³ Международная ассоциация молодежных лиг (*англ.* Association of Junior Leagues International) – некоммерческая женская образовательная организация, занимающаяся улучшением социальной, культурной и политической жизни в обществе.

Лейзенби.

Головку Олли украшала нарядная сатиновая лента с коралловым цветком из шифона. Эту повязку я сшила только вчера.

– С удовольствием сделаю такую же для Линди-Лу.

Фейлин изумленно расширила глаза.

– Так ты сама ее смастерила? Ну конечно же! Ты унаследовала талант Сили к рукоделию. Твоя матушка – настоящая искусница! А уж какие у нее изумительные лоскутные одеяла! Да, пожалуйста, сделай повязочку для Линди-Лу. А лучше две. Нет, три! Три в самый раз. Все разных цветов. Сколько с меня?

– Я не возьму с вас денег. Пусть это будет подарок. – Хотелось как-то отблагодарить Фейлин за ее участие и поддержку.

– Глупости! Я настаиваю. – Фейлин, прищурившись, пристально поглядела на меня. Не знаю, что в тот момент отразилось на моем лице. Может, жалкие остатки изорванной в клочья гордости. А может, воспоминание о смехотворной сумме на моем банковском счете. – Давай так: одну повязку ты мне подаришь, а за две другие я заплачу.

– Договорились.

Очень удачный компромисс.

– Прекрасно! – Фейлин сложила ладони пирамидкой, соединив пальцы обеих рук. – Жду не дожусь увидеть, как твои повязочки будут смотреться на Линди!

– Я вам их занесу через пару...

– Собачка! – вдруг воскликнула Олли и наклонилась вперед так сильно, что едва не вывалилась из коляски. – Собачка!

Я обернулась.

К нам направлялся высокий мужчина. На шее у него висела навороченная фотокамера с длиннофокусным объективом. За ним бежала красивая, напоминающая шелти собака бело-тигрового окраса.

Фейлин захлопала в ладоши.

– Ну и ну! Кэм Колбо собственной персоной! Как я тебе рада. Последний раз мы встречались... когда? В Рождество? Дай-ка я тебя обниму!

– Мы виделись неделю назад, у здания суда, на кинопоказе. – Кэм расцеловал Фейлин в обе щеки. – Вы ведь прекрасно помните.

– Ох, и правда. Запомнятовала! – Фейлин подтолкнула меня локтем и многозначительно приподняла брови. – Ничего не могу с собой поделать. Так и тянет немного пококетничать, понимаешь? Кэм – такой милашка!

– Фейлин, ну перестаньте, – перебил ее Кэм. – Я сейчас покраснею от смущения.

– Это все равно будет незаметно, – возразила Фейлин. – У тебя усы и борода загораживают пол-лица. Скрывают всю красоту. Это чертовски обидно! Когда ты их уже сбреешь?

В ее голосе звучала такая досада, что я невольно улыбну-

лась. Лично мне даже понравилось, что Кэм небрит, но свое мнение я оставила при себе.

Кэм не ответил, поскольку общее внимание на себя отвлекла Олли.

– Собачка! – снова прокричала она, восторженно ерзая в коляске.

Кэм нагнулся и обратился к Олли:

– Его зовут Ривер. Хочешь погладить?

– Осторожнее, – предупредила я.

– Не волнуйтесь, Ривер не кусается, – успокоил меня Кэм.

– Я переживаю не за дочку, а за Ривера. Олли еще не умеет рассчитывать силу. Пару раз она чуть не выдрала мне все волосы.

Кэм с удивлением взглянул на меня, а потом рассмеялся.

– Все будет в порядке. – Он потрепал Ривера по ушам.

Пес лизнул руку Олли. С радостным визгом малышка потянулась и погладила его по голове.

– Собачка, собачка, собачка!

– Только посмотрите на них! Уже подружились, – заметила Фейлин. – Натали, вы знакомы с Кэмом? Он живет в горах.

– Нет.

– Вот я глупая! Конечно, не знакомы! Тебя же не было в Уиклоу пять лет, а Кэм приехал сюда из Теннесси только год назад.

Мужчина протянул мне огромную мозолистую ладонь.

– Кэм Колбо.

– Натали Уокер. – Несмотря на недюжинную силу, рукопожатие Кэма было мягким и нежным, как будто он очень старался случайно не причинить мне боль. – А это Олли.

– А полностью – Оливия-Ли, – пояснила Фейлин. – Но, согласись, имя Олли звучит невероятно мило! Натали – дочь Сили и Дока Линден. Она вдова, Натали, я имею в виду. Потеряла мужа чуть больше чем год, семь месяцев и три дня назад. Около того. Мэттью Уокер плавал на лодке и утонул. Несчастный случай. Ужасно.

– Мне очень жаль. – Кэм нахмурил темные, густые брови. – Примите мои искренние соболезнования.

Мне захотелось немедленно исчезнуть. Нырнуть вниз головой в какой-нибудь канализационный люк.

– Спасибо.

Кэм кивнул и, наклонившись, погладил Ривера. Олли продолжала ластиться к псу, который, к счастью, вроде бы ничего не имел против ее бурных излияний.

Фейлин повернулась ко мне.

– Моя Марси вышла замуж за брата Кэма, Джоша. Ой, Джош такой здоровяк, с виду – вылитый медведь! Надо тебя с ним познакомить. Джош – лучший полицейский в Уиклоу, у него золотой характер! – Она придвинулась ближе. – Только не говори ему, что я так сказала. А у Марси собственный магазинчик подарков, вон там. – Она кивнула на витрину с вывеской «Всякая всячина» на противоположной сто-

роне улицы. – Марси продает и работы Кэма. Он фотограф, снимает дикую природу. Обязательно зайти на них посмотреть. Они потрясающие! Никто, кроме Кэма, так не сможет. У него взгляд художника!

Пока Фейлин расточала восторги, я следила за реакцией Кэма. Всем своим видом тот выражал крайнее смущение, на лбу и в уголках его глаз появились морщинки. Забавно.

Я вновь обернулась на здание магазина с ярко-желтым козырьком над входом. Интересно, нужны ли Марси продавцы? В списке моих дел сразу за пунктом «Купить кусок пирога» шло «Найти работу». «Всякая всячина» еще не открылась, и я запланировала зайти туда позже.

– Лучше не откладывай в долгий ящик, потому что, возможно, магазин скоро обанкротится. Марси ожидала, что летом, когда люди отправятся в походы и дальние велосипедные прогулки, будет приток покупателей, но ее надежды до сих пор не оправдались.

– Какая жалость! Я могу как-то помочь? – Сердце заныло. Значит, устроиться во «Всякую всячину» не удастся. Рабочих мест в Уиклоу еще меньше, чем туристов.

Фейлин погладила меня по руке.

– Ах ты солнышко, мы тебе очень благодарны за предложение. Но мы справимся, как и всегда.

Кэм выпрямился.

– С удовольствием поболтал бы с вами подольше, леди, но мне пора: ждет одна халтурка.

– Правда? Какая? – Фейлин сложила ладони в молитвенном жесте. – Расскажи!

Кэм намотал на запястье поводок.

– Во дворике кафе видели каких-то редких птиц, и теперь все орнитологи и просто любители пернатых стоят на ухах. Один мой приятель из их компании заказал пару фотографий. Ничего особенного, но надо бежать, пока хорошее освещение.

– Ты про черных дроздов? – уточнила Фейлин. – Ну, так у тебя времени навалом. Они редко появляются днем. Приходи незадолго до полуночи, как раз успеешь.

– Вы тоже слышали про этих птиц?

Фейлин подбоченилась.

– Про черных дроздов, Кэм, в Уиклоу знают все, кроме тебя. Надо бы почаще спускаться с гор!

Кэм перевел взгляд на меня, и я поддержала Фейлин:

– Черные дрозды прилетают каждую полночь, сколько я живу на этом свете, и поют целый час. Ах, как же они поют! Вы нигде не услышите ничего прекраснее!

– Но это же ненормально. – В тоне Кэма зазвучало сомнение. – В смысле, что они появляются ночью.

– Дорогуша, мы все уже привыкли к черным дроздам, – заверила его Фейлин. – Даже странно, что они вдруг, спустя столько лет, произвели такой фурор. – Она поднялась на цыпочки. – Но лучше уж любители птиц, чем никого. Побегу сообщу им, что «Всякая всячина» откроется в одиннадцать.

– Нам с Олли тоже пора. – Я посмотрела на кафе. – Приятно познакомиться, Кэм. Увидимся, Фейлин.

– Да-да, уже скоро! – подхватила она. – И обязательно сходите куда-нибудь с Марси и малышками. Уверена, Олли и Линди-Лу сразу подружатся.

Друзья – это хорошо. Я-то думала: вот вернусь домой, сначала будет тяжело, но привыкну. Все вернется на круги своя. Заживу как раньше, стану такой, как прежде.

Должна была догадаться, что это невозможно.

Боль меняет людей.

Ничего не пойдет по-старому, ведь я теперь другая.

Потому-то мне и необходим пирог «Черный дрозд». Он даст ответы на мучающие меня вопросы, и в сердце воцарится мир. Это нужно не только мне, но и Олли. Чтобы быть для нее хорошей мамой, надо исцелить душу и разум, иначе я повторю ошибки своей матери, которая, ожесточившись, на двадцать с лишним лет замкнулась в своем горе. Ее ничто не тревожило, кроме собственных страданий.

Нагнувшись, я заправила одну из выбившихся кудряшек дочки под повязку.

– Олли, скажи «пока-пока».

– Пока, собачка! – Олли энергично замахала рукой.

Кэм помахал в ответ, а Ривер завилял хвостом.

Повернув коляску, я шагнула в сторону «Черного дрозда»... и остолбенела.

Меня больше не волновало, что Фейлин проболтается ма-

ме о моем появлении в кафе. Потому что мама была здесь. Она, скрестив руки на груди, стояла у входа в «Черный дрозд» и заглядывала внутрь. Я начала медленно пятиться назад в надежде улизнуть незамеченной.

Словно почувствовав мое присутствие, мама резко повернула голову в мою сторону.

Я попалась.

Мама направилась ко мне, и я еле сдержалась, чтобы не поморщиться.

Сили Эрл Линден была одета, как всегда, строго и со вкусом: в белоснежную блузку, легкие льняные брючки и кожаные босоножки. Волнистые светлые волосы с вкраплениями медных прядей свисали до плеч. На голове у мамы красовалась белая шляпа, на груди – двойные жемчужные бусы. Лицо закрывали темные очки.

– Оливия-Ли такая милая, когда щурится, правда? И ей очень идет загар, ты не находишь?

Мама никогда не называет внучку просто Олли, считая это имя глупым, смешным и совсем не женским. Она заявила, что Олли могут принять за мальчика. Как будто это возможно с ее длинными локонами, губками бантиком, аккуратным носиком и выразительными бровками. Не говоря уж о том, что Олли носит розовые блузки с кружевными оборками и инициалами на кармашках, розовые юбки, комбинированные с шортами, и сандалии – разумеется, тоже розовые.

– Баба! Пливет-пливет! – Олли помахала ей рукой.

Я не стала даже упоминать, что перед выходом намазала Олли кремом от загара, а ее солнцезащитные очки убрала в рюкзак от греха подальше после того, как Олли шесть раз подряд стаскивала их с себя. Уже вечером в гостевой домик доставят детскую широкополую шляпу, и ничто не убедит маму, что Олли это не нужно.

– Привет, моя умница! – Мама сжала протянутые ручки малышки и, наклонившись, поцеловала ее в лоб.

При виде того, с какой любовью мама воркует с Олли, сердце заныло. Больно осознавать, что мне она никогда не дарила столько заботы и внимания. Хорошо хоть, Олли не пришлось испытать на себе ее холодность и равнодушие. И не придется, чего бы мне это ни стоило.

Мы помирились, напомнила я себе. Помирились.

– Значит, ты вышла прогуляться с утра пораньше, – обратилась мама к Олли и, подняв голову, уставилась на меня в ожидании ответа на незаданный вопрос.

– Мы... идем в библиотеку. – Это почти правда: мы действительно намеревались заглянуть в библиотеку. Только после кафе. – Не ожидала тебя здесь увидеть.

Сколько себя помню, мама никогда не приближалась к «Черному дрозду». Старательно обходила кафе за несколько акров, чтобы каменное здание ни в коем случае не попало к ней на глаза.

Мама нервно сжала жемчужные бусы.

– Я шла на заседание комитета и задержалась, чтобы

узнать, что за шум.

Звучит правдоподобно, ведь мама – председатель комитета по благоустройству города. Но меня не проведешь. Члены комитета обычно встречаются дома у Корали Дэбади, в двух кварталах отсюда. Зачем же маме делать такой крюк? К тому же она и не думает возмущаться из-за моего присутствия рядом с «Черным дроздом». Очень подозрительно.

Мама указала на толпу во дворике.

– Что вообще происходит? Кто эти люди? Они ведь собрались явно не по поводу открытия кафе.

Через окно я заметила, что в переполненном зале какая-то девушка примерно моих лет ловко лавирует с подносом между столиками. Внешне она кого-то мне напоминала. Может, это и есть Анна-Кейт Кэллоу?

Высокая, не ниже меня (а я ростом целых пять футов восемь дюймов!⁴), она не слишком походила на маленькую, хрупкую блондинку Зи с ее излюбленными летящими юбками, развевающимися шарфами и серьгами-подвесками. На этой были джинсы, подвернутые до середины голеней, простая сиреневая футболка и никаких сережек. Каштановые волосы задорно кудрявились.

– Их интересуют черные дрозды. Любители птиц в полном восторге. Они вроде как редкие. Дрозды, я имею в виду.

Я говорила путано и невнятно. Мамино присутствие часто на меня так действует.

⁴ 1,77 м.

Мама вновь кинула взгляд внутрь кафе и стиснула бусы так, что побелели костяшки пальцев. Это украшение ей подарил папа от имени моего старшего брата на День матери больше сорока лет назад.

Жаль, что я совсем не помню Эндрю-Джеймса Линдена, красу и гордость нашей семьи, да и, пожалуй, всего Уиклоу. Мне только исполнилось три, когда брат погиб в автокатастрофе. В то время ему шел девятнадцатый год.

Я была поздним, незапланированным ребенком. Мое появление на свет оказалось сюрпризом для родителей. И хотя все знают, что Сили Эрл Линден не любит сюрпризы, в тот раз мама была вне себя от радости.

Однако мамино счастье длилось недолго: со смертью Эджея оно померкло навсегда.

Мама пренебрежительно усмехнулась.

– Черные дрозды? Какая глупость.

– Сили! Да я глазам своим не поверила, когда тебя тут увидела! – приблизившись к нам, радостно воскликнула Фейлин. – До тебя, поди, уже дошли слухи... С ума можно спятить, правда?

Мама натянуто улыбнулась.

– Не понимаю, о чем ты.

Шея Фейлин вновь покрылась пятнами.

– Слухи об Анне-Кейт...

Поджав губы, мама продолжала холодно смотреть на Фейлин. Та завертела головой, переводя взгляд с мамы на меня

и обратно.

– Мне... э-э... пора. – Фейлин по очереди кивнула мне и маме. – Рада была поболтать.

– Передавай привет Марси, – сахарным тоном вставила мама.

– Обязательно! – на ходу пообещала Фейлин.

– И что это было? – как только она отошла подальше, заинтересовалась я.

– Ты же знаешь, Натали, я терпеть не могу сплетни, – пренебрежительно отозвалась мама.

Недоумевая, я оглянулась по сторонам и обнаружила, что все кругом, включая посетителей кафе, пялятся на нас.

– Я ухожу, – объявила мама. – Ты со мной? Библиотека как раз по дороге к дому Корали.

Я нервно сглотнула. Приходилось выбирать: купить кусок пирога, а вместе с ним и ответы, в которых я так нуждаюсь... или сохранить хрупкий мир в нашей разобщенной семье.

– Идем, – подавив вздох, согласилась я.

Ради того, чтобы вновь не поссориться с мамой, я готова подождать с пирогом. Но завтра утром я за ним вернусь.

И, может, заодно узнаю, почему все так носятся с этой Анной-Кейт Кэллоу.

– Когда вы впервые заметили черных дроздов? – спросил журналист.

Лук Бартелеми вытянул длинные, тощие ноги.

– Сколько себя помню, они всегда были здесь.

– Вы давно работаете в кафе?

– Двадцать пять лет. Но я слышал, что дрозды появились гораздо раньше. Больше века назад.

Журналист закатил глаза и что-то черкнул в блокноте.

– Их двадцать четыре, как в той песенке? «Две дюжины дроздов сидели в пироге...»

– «Когда пирог разрезали, они все стали петь»⁵, – кивнув, процитировал Лук начало второго куплета. – Да. Зи однажды сказала, что эти птицы, скорее всего, родственники.

– Она, должно быть, пошутила?

– Зи никогда не шутила о черных дроздах.

Не зная, что ответить, журналист постучал ручкой по блокноту.

– Вам не кажется, что все это как-то странно?

– Ничуть. У нас с вами разное представление о «странном». – Лук поднялся и задвинул стул. – Мне пора работать.

⁵ Здесь приводятся строчки из популярной детской песенки «Спой шестипенсовую песню» (англ. *Sing a Song of Sixpence*). Она появилась в Англии предположительно в восемнадцатом веке. Автор неизвестен.

Хотите еще ежевичного чая?

– Да, спасибо. В жизни не пил ничего вкуснее!

Анна-Кейт

– Я слышал, юная леди, что вы скоро уезжаете изучать медицину.

Словно готовясь к баталии, мистер Лейзенби оттопырил нижнюю губу и выпятил челюсть.

Обойдя его стул, я убрала с соседнего столика грязную посуду и приборы. Любопытство мистера Лейзенби меня не удивило: этот недостаток присущ почти всем жителям города, как и бесцеремонная манера нарушать личное пространство. Все утро посетители кафе лезли ко мне обниматься, и моя сдержанность их нисколько не обескураживала. Ну разве так можно?

– Да. Занятия начинаются в августе.

Чтобы пройти первую ступень высшего образования, мне понадобилось семь лет: дважды я переводилась из одного университета в другой, потом приходила в себя после смерти мамы... К тому же денег на обучение не хватило, и я долго не могла накопить нужную сумму. Сама удивляюсь, что я вообще получила диплом. Честно говоря, если бы не обещание, давным-давно данное маме, я бы оттуда ушла.

– Хм-м... – протянул мистер Лейзенби, буравя меня суровым взглядом.

Сегодня он нарядился как на праздник: белоснежная рубашка на пуговицах, безупречно выглаженные брюки и галстук-бабочка в красно-белую клетку. Впрочем, как я поняла, мистер Лейзенби всегда так одевается.

Он пришел в восемь утра, к самому открытию. Вот уже больше двух часов сидит за столиком, аккуратно сложив на коленях салфетку, чопорно выпрямив спину, и, похоже, никуда не торопится.

– Что-то не так? – поинтересовалась я, заметив, с каким недовольным видом он ковыряется в тарелке.

– Вкус пирога какой-то не такой.

– Отис Лейзенби! – крикнула Джина Бартелеми через всю кухню. – Надеюсь, ты не ругаешь мою стряпню? Я готовила яблочный пирог по рецепту Зи, который, между прочим, был отмечен кулинарной премией!

Не представляю, как Джина расслышала слова мистера Лейзенби в таком гаме. Поразительно тонкий слух!

– Рецепт, может, и тот же, но пироги мисс Зи на вкус были другими, – упорствовал мистер Лейзенби.

– Так ведь Зи покинула наш бренный мир, и с этим уже ничего не поделаешь, согласны? – Джина приблизилась к нам. – Царство ей небесное. Обстоятельства меняются, и нам приходится под них подстраиваться, так ведь?

– Но я увижу сегодня сон? – В голосе мистера Лейзенби прозвучала паника.

– Не знаю, – отозвалась Джина. – Время покажет, верно?

Меня охватило беспокойство.

Долг Хранительниц на земле – заботиться о деревьях и собирать их любовь, которая соединяет наш мир с загробным. Хранительницы вкладывают ее в пирог и дарят скорбящим, потерявшим близких. Видишь ли, когда кто-нибудь лишается жизни, любовь между ним и его родными не исчезает, а только крепнет. И если кто-то этого не осознает и нуждается в подтверждении, то птицы, оберегающие деревья, с помощью пирога доставляют ему послания с того света.

Вчера Джина взяла на себя приготовление пирогов «Черный дрозд». Я должна была догадаться, что у нее ничего не выйдет. Ведь это работа Хранительницы, то есть моя, поскольку Зи умерла, и теперь я последняя из рода Кэллоу. Я искренне надеялась, что мистер Лейзенби каким-то чудом получит вожаемое послание, хотя предполагала, что вероятность этого ничтожна.

– Хм-м... – Мистер Лейзенби хмуро посмотрел на вилку с кусочком пирога и отправил его в рот.

– А скажите-ка нам, Анна-Кейт, вы всегда хотели быть врачом? – вмешалась Пebbлз.

Пebbлз Лутс, пожилая женщина с высокой прической, сидела за общим столом на десять человек, занимающим почти весь зал. Она выбрала место прямо напротив мистера Лейзенби и все утро строила ему глазки. Но тот не замечал знаков внимания и вообще не подозревал о ее чувствах.

– Сколько себя помню, – убирая тарелки, ответила я, намеренно опутив слово «хотела».

Раньше в этом здании располагался каретник. Много лет назад Зи поселилась здесь, обустроив на втором этаже жилые комнаты, а на первом – кафе. Деревянные стены и потолок были выбелены, а дощатый пол и лестница потемнели. Из-за того, что кухню и зал для посетителей разделяла только невысокая перегородка, создавалось впечатление, что это чья-то гостиная, а не заведение общественного питания.

Хотя стеклянная дверь и широкие эркеры на фасаде делали помещение светлым, просторным и уютным, я ощущала что-то вроде клаустрофобии. Все восемь столиков были заняты клиентами, ни одно место не пустовало, а снаружи собралась очередь из желающих перекусить. Одних я уже знала в лицо, других – нет. Например, молодую женщину с коляской, которая прохаживалась туда-сюда по тротуару, нерешительно поглядывая на кафе.

Я унесла грязную посуду и, свалив ее в раковину, осталась на минутку, чтобы перевести дух. Все время находиться в центре внимания невероятно утомительно.

– Молодец, неплохо справляешься, – подбодрил меня Лук, не отрываясь от работы.

Его обычно бледное лицо покраснелось от жара духовки, а в серо-голубых глазах притаилась тревога.

– Особенно если учесть, что у тебя совсем нет опыта, – добавила Джина. – Ты меня просто поразила!

Видимо, поразить Джину не составляло особого труда, потому что вид у меня был взмыленный и взъерошенный. Вообще-то можно сказать, кулинария – мое призвание, на кухне я себя чувствую как рыба в воде, но еще ни разу не пробовала себя в роли ресторанный повара или официанта. Я разбила уже три тарелки, пролила столько напитков, что и подумать страшно, и с трудом ковыляла по залу: ноги гудели от усталости.

– Здесь всегда так много народу?

– Обычно намного меньше. Сегодня наплыв из-за приезда орнитологов... и из-за тебя. Всем любопытно. – Лук вытащил из двухсекционной фритюрницы сетку для жарки и вывалил на одноразовую тарелку хрустящие, аппетитные картофельные оладьи. На его спине угадывался небольшой горб, похожий на лук для стрельбы. Может, из-за этого Бартелеми и прозвали Луком?

Я быстро посолила оладьи, пока не остыли.

– Это точно.

Я подозревала, что многие придут, чтобы со мной познакомиться, но такого аншлага не ожидала.

Лук кинул на встроенную жарочную поверхность навороченной газовой плиты с шестью конфорками сразу несколько блинчиков. Судя по всему, Зи не пожалела денег на обустройство кухни и оборудовала ее по последнему слову техники.

– Можем закрыться пораньше, если хочешь, – подала го-

лос Джина, и в ее взгляде мелькнула надежда. — Ты же хозяйка. Никто не будет возражать.

Она стоя резала тесто для печенья. Вся мраморная столешница была покрыта слоем муки, да и сама Джина тоже. Белый порошок словно пудрой припорошил ее смуглое лицо и тонкие, прямые брови. Темные с проседью волосы были забраны в пучок.

— Да ничего. Я справлюсь. — По крайней мере, в ближайшие четыре часа.

Джина отряхнула руки.

— Ты очень упорная. Вылитая Зи!

Лук Бартелеми и его жена встретили меня с распростертыми объятиями. Про нас с мамой они знали почти все, а сведениями о себе делились, как будто клали в блюдо специи: по капельке, по щепотке. Мне лишь удалось выяснить, что обоим за пятьдесят и они устроились в кафе сразу после того, как мама покинула Уиклоу. Их обязанности не были четко определены. Как я поняла, Бартелеми работали и за поваров, и за официантов, и за уборщиков, и за садовников, и за кассиров.

Я посмотрела в окно. Листья шелковиц трепетали от ветра, и казалось, что деревья обмахиваются, спасаясь от жары. С тонких веток свисали неспелые бледно-розовые ягоды. Лук прозвал плоды шелковицы за сходство с ежевикой ее младшими сестрицами. Раньше я никогда их не ела, а пару дней назад попробовала и сморщилась: кислятина! Джина

уверяет, что недели через три ягоды созреют. Тогда и можно будет насладиться их приятным вкусом, сладким, но не приторным.

– Зи бы тобой гордилась, если бы увидела, как ты ловко управляешься в кафе. – Джина засияла белозубой улыбкой. Ее речь, напевная и неторопливая, завораживала.

– Спасибо, – поблагодарила я, пытаюсь справиться с нахлынувшими чувствами.

Я всегда держалась с окружающими отстраненно, стараясь ни к кому не привязываться, чтобы потом легче было расставаться: мы с мамой все время жили на чемоданах и постоянно переезжали с места на место. Однако Лук и Джина каким-то непостижимым образом всего за неделю очень сблизились со мной. Может, дело в теплом, душевном приеме, который они мне оказали, в их доброте или в том, как терпеливо они учили меня всем премудростям работы в кафе. А может, я отчаянно нуждалась в дружеской поддержке, оставшись одна в незнакомом городе, раздавленная горем и вынужденная заниматься бизнесом, в котором ничего не смыслила. Как бы то ни было, Лук и Джина стали для меня чем-то вроде семьи.

Джина издала короткий смешок, похожий на чириканье птицы.

– Не за что, лапонька, это ведь правда.

Я была признательна ей за эти слова. Чтобы успокоиться, я вдохнула витающие в воздухе ароматы: кофе и ванили, ча-

бреца и корицы, лука, лимона и дрожжей. Эти запахи, напоминавшие о Зи, словно пролили бальзам на мою израненную душу.

Встряхнувшись, я схватила кофейник и, как на линию фронта, поспешила обратно в зал подливать кофе клиентам, стараясь не расплескать на ходу напиток прямо на посетителей.

Рядом с мистером Лейзенби сидела Фейлин Уиггинс. По всей вероятности, она появилась, пока я была на кухне. Эта женщина лет шестидесяти, черноволосая, с короткой стрижкой и голубыми глазами, отличалась исключительным любопытством и весьма своеобразной, непривычной манерой говорить. На похоронах Зи, где мы и познакомились, Фейлин не отходила от меня ни на шаг, ограждая от чересчур бестактных, нескромных вопросов, и щедро вручила не одну, а целых три буханки кабачкового хлеба.

Протянув свою чашку, Фейлин вздохнула:

– Странно... я знала Зи Кэллоу с самого детства. Мы вместе росли. На моих глазах она так неудачно вышла замуж за твоего дедушку, открыла кафе, родила твою маму... Мы виделись чуть ли не каждый день. И при этом Зи ничего о тебе не рассказывала. – Она выжидающе посмотрела на меня.

Я налила кофе ей и мистеру Лейзенби, гадая, нужно ли что-то отвечать. Примечательно, что до сего момента никто не упоминал о моем дедушке. Он был страховым агентом, работал на выезде, и дела привели его в Уиклоу. Дед сразу

же поразил Зи красотой и обаянием. Вскоре они обвенчались в одной из часовен Гатлинбурга. Однако через несколько недель их чувство влюбленности стало ослабевать. К тому же деда снова потянуло в путь. Он поставил перед Зи ультиматум: или он, или Уиклоу. Сразу после развода дед покинул город, хотя уже знал, что Зи ждет от него ребенка. Больше бабушка никогда его не видела.

Зи часто повторяла, что страсть к путешествиям у мамы в крови, но настаивала, что ее дом там, где наши корни, то есть в Уиклоу.

Анна-Кейт, милая, обещаю, что не выйдешь за человека, из-за которого будешь вынуждена покинуть родные места. Душа всегда остается на земле предков.

– Странно, что мы о тебе ни разу не слышали, – настойчиво гнула свое Фейлин. – Да, Анна-Кейт?

Я-то прекрасно понимала, почему никто в городе не подозревал о моем существовании: из-за Линденов. Но не стала ничего объяснять, просто пожала плечами.

Фейлин нахмурилась.

– Где же ты, дорогуша, все это время пряталась, если не секрет?

Вот на этот вопрос можно и ответить.

– То тут, то там. В основном в северных штатах, – откликнулась я, подливая кофе посетителям. – Когда я была маленькой, мы частенько переезжали. Мама работала медсестрой, и ее постоянно переводили из одной больницы в другую.

Частенько – это, пожалуй, преуменьшение: до того, как мне исполнилось восемнадцать и я поступила в колледж, мы перебирались из города в город раз в несколько месяцев. После мы стали задерживаться на одном месте на год-полтора. Мама неоднократно пыталась осесть, обустроить собственное гнездышко, но от старых привычек не так-то просто избавиться, и в конце концов она вновь пускалась в странствие.

– В северных штатах? – Пебблз скривила губы. – Бедняжка...

Не представляю, почему эта новость вызвала у нее сочувствие.

– Последние два года я жила в Бостоне, – добавила я. Впервые я так много времени провела в одном городе. Правда, четырежды меняла съемные квартиры. – Училась в колледже.

Вообще-то я оставалась в Массачусетсе только ради положенной мне скидки на обучение. Я мечтала обрести дом, но не определилась, где бы хотела поселиться.

– Это мы уже знаем, – кивнула Фейлин. – Я-то думала, что у тебя будет северный выговор, как у Кеннеди. Мне всегда нравилась их семья, особенно Кеннеди-младший. Он просто милашка! А какие у него глаза... – Фейлин вздохнула. – Но ты разговариваешь совсем иначе.

Разочарование в ее голосе меня позабавило.

– Чтобы обзавестись каким-то выговором, нужно куда больше времени.

– Зи сообщила нам, что Иден умерла. Было горько это слышать. Мне очень жаль, Анна-Кейт, – вмешалась Пebbлз.

Врачи утверждали, что смерть наступила из-за оторвавшегося тромба. Но я предполагаю, мамино сердце просто не выдержало тоски и боли. Даже странно, что она так долго протянула после папиной гибели.

По залу пронесся негромкий гул: все посетители выразили мне соболезнования. Я крепче сжала кофейник.

– Спасибо вам всем.

– Я не удивлена, что Иден так часто переводилась из больницы в больницу, – отпив из чашки, заявила Пebbлз. – Она с детства грезилa о дальних странах, постоянно просматривала путеводители.

– Так и есть, – подхватила Фейлин. – Ее явно тянуло в путешествия. У них с Эджем были большие планы на будущее. – Она оценивающе взглянула на меня. – Немудрено, что после аварии Иден покинула Уиклоу.

– Особенно если учесть, как с ней обращалась Сили Линден. – Пebbлз громко прицокнула языком.

Сердце забилося чаще, и я с трудом поборола желание присесть. Всю жизнь я пыталась выведать, почему мама отсюда уехала, но они с Зи упорно отмалчивались. До меня доходили лишь сплетни, слухи о том, что Сили обвинила маму в убийстве. На все мои вопросы, с чего Сили посчитала маму убийцей, у них был только один ответ: это несчастный случай, и точка.

Положение усугублялось тем, что во время автокатастрофы мама получила травму головы, из-за которой все события того дня стерлись из ее памяти. Правда, есть одно – и очень важное – но: когда бы мама ни вспоминала об отце и об аварии, взгляд ее становился задумчивым, а уголки губ опускались. Такое выражение появлялось на ее лице, когда мама что-то недоговаривала. Я всегда подозревала: она не до конца откровенна. Пришла пора все выяснить.

Мама почти ничего не рассказывала об отце: ей было больно вспоминать о нем, и я не мучила ее расспросами. Не могла видеть, как мама плачет. Зато сейчас... Сейчас наконец-то появился шанс побольше узнать о папе.

– Заказ готов! – крикнул Лук, ударив ладонью по столешнице. По его собственным признаниям, он не любил звонить в колокольчик и предпочитал стучать по столу.

– Одну минутку, – пробормотала я и отправилась на кухню.

Подхватила блюда, которые выставил Лук, обернулась и увидела в дверях пожилую женщину в широкополой шляпе и солнцезащитных очках. Похоже, она не собиралась заходить. Просто стояла на пороге, загораживая проход, и смотрела по сторонам. Вероятно, еще одна местная жительница явилась поглазеть на загадочную Анну-Кейт Кэллоу. Меня, можно сказать, уже начали преследовать фанаты. Спрятав улыбку, я опустила тарелки перед двумя орнитологами, которые зашли позавтракать.

– На чем ты будешь специализироваться, Анна-Кейт? – не унималась Пebbлз. – Станешь семейным врачом, как дедушка?

Я вытерла руки о фартук и как можно невиннее переспросила:

– Дедушка?

Пebbлз подцепила вилкой кусочек ветчины в кофейном соусе.

– Док Линден – один из лучших врачей в городе. Будет очень жаль, если он уйдет на пенсию.

Кафе наполнила тишина. Только орнитологи продолжали как ни в чем не бывало уплетать сладкий картофель с яичницей.

Пebbлз побледнела и уронила вилку.

– Я... м-м-м... я имела в виду... – Она беспомощно огляделась по сторонам в поисках того, кто помог бы ей сгладить неловкость.

По уверениям мамы, я выросла точной копией своего отца, Эндрю-Джеймса Линдена: такие же выющиеся каштановые волосы, большие глаза с опущенными уголками и ямочки на щеках. Неудивительно, что наше сходство отмечают все, особенно те жители Уиклоу, которые помнят папу. Не исключено, что моя внешность – одна из причин, по которой мне было запрещено сюда приезжать.

– Я пока не определилась, на чем буду специализироваться. У меня еще есть время подумать, – ответила я, тщательно

обходя скользкую тему.

Хотя все догадываются, кто мой отец, я пока не готова подтверждать эти предположения. Сначала надо выработать стратегию, как вести себя с Линденами. Я ломала над этим голову всю неделю, пока безрезультатно.

Покидая Уиклоу, мама взяла с собой ровно столько багажа, сколько уместилось в машине, включая жгучую ненависть ко всем Линденам. С тех пор мы так и возили ее с собой из города в город, аккуратно и бережно. А после маминей смерти настал мой черед сохранять семейную вражду, холить ее и лелеять.

Конечно, я хотела побольше узнать о своих родственниках по отцовской линии, но не могла простить им того, как они обошлись с мамой. Не переставали называть ее убийцей даже после официального признания аварии несчастным случаем. Наговаривали на маму бог весть что и всячески ее очерняли. Не допустили на папины похороны, не дали попрощаться с человеком, которого она любила всей душой.

Линдены причинили маме много зла, и, уезжая из Уиклоу, она поклялась, что не позволит им обидеть меня. А это означало, что я не должна с ними встречаться. Никогда.

Но сейчас я здесь, в Уиклоу. В таком крошечном городке рано или поздно придется столкнуться с Линденами. Я постоянно воображала, что скажу при встрече, и эти мысли едва не свели меня с ума. Совсем измучившись, я решила все пустить на самотек и действовать по обстоятельствам. Все

равно заранее предусмотреть все варианты невозможно.

– А что будет с «Черным дроздом»? – Мистер Лейзенби похлопал рукой по столу. – Ты же наследница Зи. Получается, кафе теперь принадлежит тебе, правильно я понимаю?

Все присутствующие, включая орнитологов, выжидающе уставились на меня. Что же ответить? Вообще-то оно мне не принадлежит... пока.

Мистер Лейзенби продолжил:

– Что будет с кафе, если ты уедешь?

Бедняга Лейзенби несколько дней кряду поднимал меня спозаранку, когда кафе было еще закрыто, и с надеждой спрашивал, будем ли мы продавать пирог «Черный дрозд». Я внимательно взглянула на старика. В его воспаленных голубых глазах застыла тревога: он боялся утратить связь с любимой женой, умершей больше десяти лет назад.

Мистер Лейзенби протер лысину носовым платком.

– Я смогу по-прежнему покупать пирог «Черный дрозд»?

Сердце заныло. Не хватало духу признаться, что в скором времени я намереваюсь продать кафе, чтобы заплатить за обучение в медицинском. По условиям завещания я получу наследство, если отработаю здесь два месяца.

– Смогу или нет? – тормозил меня мистер Лейзенби.

– Не знаю. – Так далеко я не загадывала.

Старик подозрительно сощурился.

– А ты точно внучка Зи? Я начинаю в этом сомневаться. Ты даже пироги не печешь! – обвиняюще бросил он.

Джина с кофейником в руках ринулась ко мне.

– Отис, что за манеры! Помолчи. Оставь девочку в покое. Под таким градом вопросов у кого угодно голова пойдет кругом. Анна-Кейт, может, передохнешь? Посидишь, подышишь свежим воздухом... – Она обернулась к посетителям. – Кому еще кофе?

– Хм-м. – Мистер Лейзенби скрестил руки на груди.

– Спасибо, Джина. – Мне и правда нужно было выйти на воздух, собраться с мыслями и уговорить саму себя немного потерпеть.

Я направилась в кухню. Лук отворил передо мной дверь из проволочной сетки.

– Хочешь перекусить? Я быстренько что-нибудь сварганю.

– Нет, спасибо, Лук. Я скоро вернусь. Мне надо минутку побыть одной.

– Не торопись, отдыхай спокойно. Мы с Джиной тут прекрасно управимся.

Выйдя на террасу, я захлопнула дверь и, привалившись к косяку, прикрыла веки. К витавшему в воздухе запаху мяты примешивалось что-то еще... Кажется, жимолость. Странно, не замечала ее в саду.

Я в недоумении распахнула глаза и подпрыгнула от неожиданности: на ступеньках террасы сидела девушка лет пятнадцати. Вздвогнув, она грациозно вскочила на ноги.

– Простите, мэ. Не хотела вас пугать.

О господи, опять это чертово «мэм»...

– Ты тоже из любителей птиц? – на всякий случай поинтересовалась я.

Вряд ли, конечно. Девушка не была похожа на орнитолога: высокая и стройная, как ива, в черной майке и ультракоротких шортах. Босые ступни в пыли, загорелое лицо усеяно веснушками. Темные длинные волосы частично заплетены в косу вокруг головы, а оставшиеся пряди волнами спадают на плечи и спину. В руках – корзинка, заботливо накрытая расшитым кухонным полотенцем.

Незнакомка уставилась на меня, хлопая ресницами. Ее удивительные, огромные синие глаза выражали растерянность.

– Каких любителей птиц?

Я указала на собравшуюся у забора толпу.

– Вот этих. Они приехали полюбоваться на черных дроздов.

Девушка оглянулась, и меня овеял тот самый цветочный запах. Вероятно, незнакомка пользуется шампунем или лосьоном с ароматом жимолости.

– А-а. Нет, мэм, я не с ними. – Она отвернулась к шелковицам и сморгнула слезы. – Так жаль, что мисс Зи умерла... Мы близко дружили...

– Спасибо тебе... э-э...

– Ах да, я Саммер. Саммер Павежо.

– Анна-Кейт Кэллоу, – представилась я, хотя подозревала, что Саммер и так уже догадалась. Я кивнула на стоящие на

террасе кресла-качалки. – Давай присядем. У меня ужасно болят ноги.

Бесшумно ступая по подгнивающему дощатому полу, Саммер последовала за мной и, не выпуская из рук корзину, осторожно уселась в одно из кресел.

– У вас красивые балетки, но, думаю, это не самая подходящая обувь для официантки. Зи носила кроксы и была ими очень довольна.

Я поморщилась.

– Ни за что не надену такие шлепанцы.

Саммер улыбнулась.

– Вы хотя бы кеды с собой привезли?

Не только кеды, но и вообще все свои пожитки.

– Да, где-то валяются. Я поищу.

– Отличная идея!

Настал мой черед улыбаться: как-никак, идея принадлежала самой Саммер.

Я заметила, что ее пальцы перепачканы фиолетовыми пятнами – вероятно, от ежевики. Однажды летом – в ту пору мы жили в Огайо – бабушка втихомолку отвела меня собирать ежевику. Когда мы вернулись, мама увидела наши окрашенные в фиолетовый цвет ладони и сразу все поняла, но, к моему удивлению, не стала ругаться, а лишь посмеялась и попросила Зи испечь из собранных ягод пирог «Коблер». Наверное, потому, что обожала ежевику. Это был самый вкусный «Коблер», который я когда-либо пробовала.

– Ты давно знакома с Зи?

– Всю жизнь. Получается, уже восемнадцать лет. Я родилась и выросла в Уиклоу.

Восемнадцать? Никогда бы не подумала, что Саммер такая взрослая. Но я ничем не выдала своего удивления: подростки обычно предпочитают выглядеть постарше.

– В теплое время года я дважды в неделю помогала мисс Зи ухаживать за садом. Она очень по вам скучала и хотела, чтобы вы поселились в Уиклоу.

Я приподняла брови.

– Бабушка говорила обо мне?

– Постоянно. И показывала ваши фотографии. Но вы не волнуйтесь, я никому не проболталась. Это была наша тайна. Кстати, у вас бабушкина улыбка. Мисс Зи этим очень гордилась и утверждала, это ее лучшая черта. – Саммер потупилась. – Хотя я всегда считала, что лучшая черта мисс Зи – ее отзывчивая, добрая душа. Только меня никто не спрашивал...

Ее подбородок задрожал: Саммер боролась со слезами. Да, раз уж бабушка так ей доверяла, они, похоже, действительно были близкими подругами.

– Знаешь, я полностью с тобой согласна.

Саммер коротко кивнула.

– А что в корзинке? – поинтересовалась я, всей душой надеясь, что не кабачковый хлеб.

Девушка осторожно откинула край полотенца, и я увидела

десяток коричневых яиц.

– Мисс Зи была моим постоянным покупателем. Вам, случайно, не нужны?

– Нужны, конечно, – заявила я, хотя на кухне у меня лежали целых два лотка яиц. – Они всегда пригодятся. Почему?

– Два доллара и кусок пирога «Черный дрозд» за десяток. Саммер застала меня врасплох: я не ожидала, что ей тоже понадобится пирог. Только теперь, присмотревшись внимательнее, я наконец различила в ее глазах выражение затаенной печали и скорби.

– Договорились.

Я вытащила из кармана фартука чаевые и протянула Саммер две однодолларовые купюры. С радостью отдала бы ей все эти деньги, но понимала, что она их не примет.

Девушка несмело взяла банкноты.

– Спасибо, мэм.

Меня передернуло.

– Умоляю, не обращай ко мне «мэм». Зови просто Анной-Кейт.

– А завтра вам нужны будут еще яйца... Анна-Кейт?

Ей явно было трудно называть меня по имени. Я решила не заострять на этом внимания.

– Если будут – приноси, с удовольствием куплю. – Неожиданно мне захотелось испечь «Коблер». – Кстати, я вижу, ты собирала ежевику. У тебя, случайно, не осталось лишних ягод? Мне быгодились.

Саммер оживилась.

– Сколько вам нужно? Пинту? Кварту? Галлон?⁶

– Думаю, кварта будет в самый раз. Я тебе заплачу подо-
роже. Все-таки на ежевике полно колючек, а в кустах попадаются змеи.

– Ну и пусть. Если честно, временами они нравятся мне больше людей, – улыбнулась Саммер, и стало ясно: она очень мудрая, рассудительная девушка, хоть и кажется совсем еще ребенком.

– Сейчас принесу пирог. Подожди минутку.

Я поднялась с кресла, повернулась к двери и обнаружила, что Лук уже стоит на пороге с завернутым куском пирога в руках. Видимо, он привык передавать Саммер «гонорар» за яйца.

– Анна-Кейт, не хотел отвлекать, но к тебе пришли, – протянув мне пирог, сообщил он.

Его настороженный, предостерегающий взгляд заставил меня напрячься.

– Кто пришел?

Лук пригладил аккуратную бородку.

– Док Линден. Ты готова с ним встретиться?

Готова ли я? Да нет, конечно! Ну почему же я заранее не продумала неизбежную встречу, зачем пустила все на само-

⁶ Пинта, кварта, галлон – меры объема для жидкостей и сыпучих тел в США. 1 американская сухая пинта $\approx 0,55$ литра. 1 американская сухая кварта $\approx 1,1$ лит-
ра. 1 американский сухой галлон $\approx 4,4$ литра.

тек?!

– Если ты пока не расположена с ним разговаривать, я попрошу его подождать...

Вряд ли я хоть когда-нибудь буду расположена. Пожалуй, лучше покончить с этим раз и навсегда. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

– Нет, не надо. Позови его сюда, пожалуйста. Не хочу говорить с ним при всех.

– Конечно, секундочку.

Пытаясь унять нарастающую панику, я обернулась, намереваясь попрощаться с Саммер и отдать пирог, но той уже и след простыл.

Анна-Кейт

Я присела. Снова поднялась. Отложила коробку с пирогом на парапет. На секунду задумалась, почему Саммер убежала. Сорвав лист мяты, я скомкала его и начала расхаживать туда-сюда по теплomu, потрескавшемуся дощатому полу. Меня подташнивало от волнения, нервы были на пределе.

Могла бы догадаться, что встреча с Линденами не за горами. Разумеется, до них уже дошли слухи о том, что я в Уиклоу. В маленьких городках новости распространяются молниеносно.

Я постаралась отделаться от воспоминаний о застывшей в маминых глазах боли, которая с годами усиливалась, словно непреходящая ненависть смертельно ранила ее истерзанное сердце и истрадавшуюся душу.

Скрипнули дверные петли. Выкинув мятный комочек, я торопливо вытерла взмокшие руки о джинсы. От резкого стука захлопнувшейся двери я вздрогнула. Пытаясь успокоиться, расправила плечи, сжала кулаки и, стиснув зубы, медленно повернулась лицом к давнему врагу, с которым не бы-

ла даже знакома.

К своему деду, доктору Джеймсу Досону Линдену.

Не могу сказать, кого я ожидала увидеть. Возможно, черта с рогами. Или как минимум типичного южанина с зализанной прической и в полосатом костюме, насквозь пропитавшемся запахом табака. Потомственного аристократа и джентльмена, преисполненного снобизма и чувства собственного превосходства.

Но я ошиблась: доктор Линден выглядел скромно и даже смиренно. Ни высокомерной осанки, ни надменно задранного подбородка. Одет просто: в сиреневато-голубую рубашку, брюки цвета хаки и потертые коричневые лоферы. Оттопыренные уши прикрыты градуально подстриженными седеющими волосами.

Человек как человек. С печальным, полным тоски взглядом.

Спрятав руки в карманы, док рассматривал меня, словно стараясь запомнить каждую мою черточку, каждую кудряшку. Неизвестно, сколько мы так простояли, изучая друг друга, отыскивая на чужом, незнакомом лице что-то родное. Я отметила, что у него такие же, как у меня, ямочки на щеках, тот же разрез глаз, а надо лбом так же торчит непослушный вихор.

Я попыталась представить дока Линдена в молодости, и у меня перехватило дыхание: если не считать цвета волос, мой папа был его точной копией.

Мне стало так неловко, что я отвела глаза. Доносившийся до нас гомон приезжих заглушал птичье пение. Небольшая коричневатого-серая птичка подскочила к моим ногам и клюнула скомканный мятный лист. Поскольку орнитология была в колледже моим любимым предметом, я сразу распознала в ней чибиса.

Доктор Линден вдруг побледнел и покачнулся. На лбу у него выступила испарина.

– Можно я присяду?

Я подвела его по скрипучим доскам к креслу.

– Вам плохо?

– Да нет, спасибо. – Он махнул рукой, жестом показывая, что тревожиться не о чем. – Сегодня такая жара...

Было очевидно, что дело не в жаре. И, пожалуй, не в том, что он переволновался из-за встречи со мной. Его смуглое лицо приобрело болезненный оттенок, белки глаз пожелтели. Док явно болен. Скорее всего, что-то с печенью.

Я оглянулась на бабушкин сад, где белели цветы тысячелистника. Многолетние уроки Зи о живительных таинствах природы не прошли даром. Знания, которые она мне дала, бесценны. Благодаря бабушке я умею готовить лекарственные настои и обожаю самостоятельно составлять целебные сборы из трав.

Тысячелистник очень полезен для печени. Может, отвар из него и не вылечит доктора полностью, но облегчит его состояние.

Мысленно я одернула саму себя: док не просил ему помогать. И вообще, он не достоин моей помощи.

Тем не менее я предложила:

– Принести вам воды?

Я же не изверг, в конце-то концов!

– Нет-нет, не нужно. – Вытащив из заднего кармана платок, он вытер лоб. – Я ненадолго. Сядь, пожалуйста.

Я неохотно подчинилась. Не хочет воды – ну и не надо.

– Мне очень жаль, что Зи умерла, – участливо произнес док. – Она была замечательным человеком.

Как ни старалась, я не уловила в его словах лицемерия или фальши и почувствовала себя еще более неловко. Я росла в полной уверенности, что Кэллоу и Линдены терпеть друг друга не могут, но в глазах дока, несомненно, отражалось сострадание. Я вдруг подумала, что бабушка никогда не говорила о Линденах ничего плохого. Из нашей семьи только мама их открыто презирала.

Внезапное озарение повергло меня в шок, перевернуло весь мой мир. Вслед за мамой я относилась к родственникам по отцовской линии враждебно. Что, если в действительности они этого не заслуживают?

Онемев от мгновенно вспыхнувшего прозрения, я не сумела даже выдать положенные слова благодарности.

– Ты жалеешь о каких-нибудь своих поступках, Анна-Кейт? – Док закатал до локтя рукава рубашки. На солнце блеснули старые часы с поцарапанным циферблатом.

– Все о чем-нибудь жалеют.

– Я имею в виду сожаления, которые мучают и разъедают душу.

Летний ветерок усилился. Птичка уставилась на меня, словно тоже ждала ответа.

– Есть одно, – призналась я, отмахиваясь от неприятных воспоминаний.

Из кухонного окна высунулся Лук. Кивнул на дока, а затем указал себе за спину. Видимо, спрашивал, не пора ли выпроводить Линдена за дверь.

Я едва заметно качнула головой: чувствовалось, что доку необходимо выплеснуть наболевшее. Мне хотелось выслушать его исповедь. Лук понимающе поднял два больших пальца.

– А у меня много. – Док рассеянно крутил обручальное кольцо. – Слишком много. В моем возрасте начинаешь ночами вместо овец считать прошлые ошибки, только они не избавляют от бессонницы. – Он невесело улыбнулся.

На вид док не был стариком: я бы дала ему семьдесят с небольшим. Судя по всему, он выглядит моложе своих лет. Я ничего не знаю о Линденах: в нашей семье все разговоры о них были под строжайшим запретом, который я даже не пыталась нарушить.

Док снова промокнул лоб платком.

– Наверное, каждый начинает переосмысливать свои поступки, когда его настигает болезнь, – выдала я.

Он приподнял темные, кустистые брови.

– Пожалуй, ты права.

В его словах прозвучало столько горечи, что, казалось, ее вылили на меня из ведра, и я немедленно пропиталась ею насквозь. В носу и в глазах защипало. Да что же это? Мне вообще не должно быть до него никакого дела! Борясь с подступившими слезами, я отвернулась и стала наблюдать за скачущей по террасе птицей. Одно ее крыло было неестественно вывернуто, как после перелома. Бедняжка!

– Мы не знали, что у нас есть внучка, – после длительной паузы промолвил док.

К счастью, он не подверг сомнению наше родство, чего я, честно говоря, боялась и даже готова была, если понадобится, сделать тест ДНК.

– Я в курсе.

– Почему Иден ничего нам не сказала?

– Вы действительно не понимаете?

Док перевел взгляд на птицу, клюющую на террасе щепки, и потер циферблат часов.

– Твоя мама не могла не осознавать, как много для нас значила внучка. Мы были бы рады с тобой общаться. Мы имели на это право!

– Вы серьезно?

– Ты все видишь глазами мамы, Анна-Кейт. Но можно посмотреть и с другой стороны.

Надрыв и боль в его голосе вновь заставили меня усо-

мниться во всем, что я слышала о Линденах.

Я стиснула подлокотники кресла.

– Вы обвинили мою маму в убийстве и даже не позволили ей проститься с тем, кого она любила больше жизни. Я считаю, это лишило вас всякого права на меня. И точка.

– Все не так просто, Анна-Кейт...

– Проще некуда. А сейчас мне надо работать.

Я встала и направилась к двери. Испуганно чирикнув, птичка вспорхнула и влетела прямо в спальню на втором этаже. Чудесно! Значит, окно было раскрыто, и теперь у меня в доме чибис. Я нахмурилась.

– Анна-Кейт, подожди, пожалуйста!

Вздохнув, я снова обернулась к доку и нетерпеливо при-топнула ногой. Пусть объяснит, почему они так повели себя с мамой. Хотя что тут объяснять...

Док, болезненно сморщившись, уставился на шелковицы.

– Мне кажется, сожаления похожи на рак: они точно так же неумолимо уничтожают человека, медленно, исподтишка. К несчастью, я не могу изменить прошлое. Это не в моих силах. Что сделано – то сделано. Прости. Мне правда очень жаль.

Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, я проглотила слова, которые чуть не сорвались с языка, и они обожгли горло. Его извинения запоздали, но... я не была бесчувственным чурбаном и понимала, что Линден говорит со мной искренне. Жаль только, что мама этого уже никогда не

услышит.

– Рано ставить точку, Анна-Кейт. Мы можем все начать с чистого листа, если захотим... Если ты захочешь. Прошное нам не подвластно, но будущее зависит от нас. – Он поднялся и, вновь покачнувшись, сунул руки в карманы. – Я бы хотел пообщаться с тобой, получше узнать свою внучку. Надеюсь, что и ты не против получше узнать меня и всю родню со стороны отца. По воскресеньям в четыре мы все собираемся на семейный обед. Если получится, приходи к нам в гости. Познакомишься со всей семьей.

– Спасибо за приглашение, но я не могу. – Я приоткрыла проволочную дверь и обнаружила, что из зала на меня пялятся десятки глаз. Мгновение – и все отвернулись.

– Ладно, пусть мы тебе неинтересны, Анна-Кейт, но как же твой папа? У нас сохранились его записные книжки и альбомы с фотографиями. Может, тебе было бы любопытно на них взглянуть?

Твой папа.

Я замерла, не отпуская дверную ручку. Конечно, док мной манипулирует. Сразу догадался, что мне нужно, и пытается добиться своего.

Я всем сердцем желала выяснить об отце как можно больше. Понять, что за человек он был. Это для меня очень важно! Я бы с удовольствием часами пересматривала фотографии и без конца слушала бы истории из его жизни. Однако нельзя поддаваться соблазну. Ради мамы.

– Извините, я не смогу, – выдавила я и, метнувшись внутрь кафе, захлопнула за собой дверь.

– Вы когда-нибудь заказывали пирог «Черный дрозд»?

– А как же! – отозвался мистер Лейзенби. – Почти каждый день в течение тринадцати лет. Не заказывал, только если кафе было закрыто. Он очень даже вкусный, пирог-то.

– В него действительно запекают дроздов?

– Нет, сэр. Ничего подобного. – Глаза мистера Лейзенби весело блеснули. – Начинку делают из фруктов.

– А что туда еще кладут?

– Это семейный рецепт Кэллоу. Если хотите узнать ингредиенты, считайте, вам не повезло.

Журналист протер запотевшую стенку стеклянной баночки.

– Вы верите в местную легенду? В то, что с помощью пирога можно получить во сне послание с того света? – Он скептически усмехнулся. – Что, если съесть кусочек, ночью через пение черных дроздов с тобой заговорят покойные близкие? Как тут написано: «Пироги надо печь, чтоб звучала их речь»...

Мистер Лейзенби поднялся, поправил галстук-бабочку и нахлобучил шляпу, низко надвинув ее на лоб.

– Ты еще не пробовал пироги «Черный дрозд», так ведь, сынок?

– Так. А что?

– Иначе не задавал бы таких глупых вопросов и не отнимал у меня время. Разговор окончен.

Анна-Кейт

– Птицы нигде нет, – сообщила я, спускаясь по лестнице. Я уже трижды обыскала дом. – Наверное, улетела.

– Скорее всего, – подтвердил Лук, переворачивая стул ножками вверх и водружая его на столик. – Думаю, ее одолело любопытство. Птицы вечно суют свой клюв в чужие дела...

– А мне кажется, коты не менее любопытны, – возмущаясь по полу, подала голос Джина.

Серо-голубые глаза Лука потемнели, в них промелькнуло что-то вроде обиды. Он несколько раз провел рукой по щекам и подбородку, приглаживая и без того аккуратную сидящую бороду.

– Любопытство никого до добра не доводит.

– Это уж точно, – с грустью согласилась Джина.

Я недоуменно переводила взгляд с нее на Лука и обратно. Почему в кухне возникло напряжение недосказанности? Видимо, супругов Бартелеми связывает какая-то печальная тайна.

– У вас что, есть домашние животные?

– Нет. Разве только статуя койота в огороде, – улыбнулась Джина. – Отлично отпугивает не слишком сообразительных

зверей.

Взяв тряпку и чистящее средство, я вновь принялась за уборку. Мы уже почти подготовили кафе к завтрашнему дню. Позже я планировала заехать к Саммер Павежо и завезти пирог, чтобы не оставаться в долгу. К тому же он много для нее значил.

Правда, я не была уверена, что пирог «сработает»: ведь его пекла Джина. Завтра я сама возьмусь за выпечку, а пока буду уповать на то, что Саммер все-таки получит во сне послание.

– А где вы живете? – поинтересовалась я. – Недалеко от кафе?

– Недалеко, – кивнул Лук. – Всего в паре кварталов.

– У реки, рядом с мостом, – уточнила Джина. – Домик небольшой, ничего особенного, зато пейзаж красивый и журчание воды по ночам убаюкивает, как колыбельная.

Ее плавная, напевная речь, и сама напоминающая колыбельную, умиротворяла и успокаивала.

– Там, должно быть, очень тихо и уютно, – предположила я.

– Обычно да. – Джина потянулась за стоящим на полке бумажным полотенцем и вдруг со стоном опустила руку.

– Что с тобой? – забеспокоилась я.

– Да ничего, – заверила меня Джина. – Старая травма дает о себе знать. Иногда я о ней напрочь забываю.

Левой рукой она сняла с полки полотенце.

– Думаю, тебе стоит обратиться к врачу. Вдруг с этим еще можно что-то сделать...

– Сразу видно, что медицина – твое призвание. Не волнуйся, лапонька. Я уже давно приспособилась жить с этой болячкой. – Джина потеряла правое плечо. – Уверена, Линдены счастливы, что ты, как папа, собираешься продолжить семейную династию.

– Джина... – Лук вздохнул.

– А что? – Та оторвала кусочек бумажного полотенца и промокнула свежий потек на стенке шкафчика. – Все в курсе, что Эджей мечтал стать врачом, как и его отец, и дед. Кстати, Анна-Кейт, забыла спросить: чем закончилась встреча с доком Линденом?

Мама всегда желала, чтобы я пошла по папиным стопам. Ничего удивительного: умение исцелять у меня в крови. К тому же эта профессия в какой-то степени позволила бы осуществиться неисполненному замыслу отца. Думаю, папа бы мной гордился. Но мне безразлично, как к моему выбору относятся Сили и док Линден.

Я начала отмывать пятно со столешницы.

– Док пригласил меня пообедать с ними в это воскресенье. Но я отказалась. Иначе не могла.

– А теперь жалеешь? – ласково прощепетала Джина, видимо уловив мои сомнения.

Я налила на тряпку еще немного чистящего средства, и воздух наполнился ароматом лимона и лаванды.

– Авария, в которой погиб отец, случилась, когда вы уже приехали в Уиклоу?

Лук выронил стул, и тот с оглушающим грохотом, напоминающим выстрел, свалился на пол.

– Извините, руки от масла скользкие, – пробормотал он. – Стул уцелел.

– Мы прибыли сюда незадолго до аварии. – Джина ловко орудовала шваброй. – А что?

– Мама всегда юлила, когда я спрашивала об автокатастрофе и ее последствиях. Наверное, щадила мои чувства. Но я хочу доподлинно выяснить, что произошло.

– Ну, кое-что мне известно. – Джина направилась ко мне.

– Джина... – предостерегающе произнес Лук.

– Цыц, – отмахнулась она. – Анна-Кейт должна знать.

– О чем? – заволновалась я.

– В то лето твои родители все время ссорились из-за того, что Эджей планировал учиться в другом городе. – Джина задумчиво устремила вдаль темные глаза. – Иден отказывалась ждать его здесь. Она всегда мечтала вырваться из Уиклоу и намеревалась уехать вместе с ним. Но они не могли жить самостоятельно. Эджею требовались деньги на образование. К тому же Зи настаивала, чтобы Иден осталась тут. Из-за этого твои бабушка и мама постоянно ломали копыя.

Что ж, это не новость: мамина тяга к путешествиям всегда была камнем преткновения между ней и Зи.

– Ради счастья Иден твоя бабушка в конце концов уступи-

ла и даже дала влюбленным немного денег, чтобы они быстрее встали на ноги, – продолжала Джина. – Иден и Эджей решили, что снимут квартиру в Таскалусе, Иден найдет работу в какой-нибудь больнице, и они поженятся. А потом, после окончания университета, отправятся путешествовать, посмотрят мир и вернутся в Уиклоу.

– Вернутся? – переспросила я. Мне не терпелось узнать, что же случилось дальше. – Зачем?

– Видишь ли, Эджей, став врачом, должен был занять место отца. А твоя мама, ну... она бы жила здесь, с черными дроздами, и выполняла свое предназначение. Лишь с таким условием Зи согласилась ее отпустить. Только в Уиклоу Иден могла обрести душевное равновесие.

Я взглянула за окно, на шелковицы.

Хранительница всегда возвращается, как бы далеко ей ни пришлось уехать, ибо лишь там, где ее корни, рядом с двумя деревьями, в душе воцаряется мир. Она может быть счастлива только в родном краю, исцеляя и утешая скорбящих.

Джина оперлась на ручку швабры.

– Но у твоих родителей ничего не вышло. Они даже не успели снять квартиру.

– Почему?

– Из-за Сили.

И отчего я ни капли не удивлена?

– Узнав об их планах, она пригрозила сыну, что не позволит ему играть в семью за ее счет. Сили хотела, чтобы Эд-

жей присоединился к студенческому братству, а не обременял себя брачными узами в столь юном возрасте. Поэтому предъявила ему ультиматум: либо колледж, либо Иден.

Страшно подумать, под каким давлением находился папа. Это же надо, поставить его перед выбором: призвание и надежды всей семьи или любовь всей жизни...

Джина окунула швабру в ведро с водой.

– В тот день твои родители ездили смотреть колледж, куда должен был поступить Эджей. Сили считает, что твой папа предпочел учебу и на обратном пути объявил об этом Иден, а та в припадке гнева намеренно направила машину в кювет.

– Кроме Сили в это никто не верит, – торопливо вставил Лук, поднимая очередной стул.

Я впервые слышала эту историю. От горьких мыслей о судьбе родителей сердце болезненно сжалось.

– Значит, папа... – Я глубоко вздохнула. – Значит, он в самом деле сказал маме, что они расстанутся?

– Неизвестно, мэм. Ведь из-за травмы Иден потеряла память и забыла, что тогда произошло, – напомнил Лук. – К счастью, полиция сочла, что это несчастный случай, но Сили продолжает стоять на своем.

Опять это ужасное «мэм»... Ладно, сейчас не до того.

– Полицейские ведь отпустили маму. Почему же Сили к ней прицепилась?

– Иден нельзя было задерживать из-за недостаточности улик, – пояснила Джина. – Мнение Сили имеет в городе

большой вес, но, несмотря на ее безапелляционные уверения, большинство жителей Уиклоу были на стороне Иден. Только слепой мог не заметить, как сильно они с Эджеем любили друг друга. Когда обвинения были сняты, Иден уехала. Многие думали, что она вернется, ведь работа в кафе – ее предназначение. Никто не знал, что она беременна. Теперь-то понятно, почему Иден покинула Уиклоу навсегда.

Я рассеянно кивнула.

– Наверное, я сначала зайду к Павежо, а потом загляну в библиотеку. Она находится в здании суда, так?

– Угу, на третьем этаже. Хочешь почитать старые газеты? – Похоже, я была для Джины раскрытой книгой.

– Угадала, – смущенно улыбнулась я.

Хочу – не то слово: мне позарез надо узнать как можно больше об этой аварии. А начинать лучше всего с изучения прессы.

– Тогда поторопись, – посоветовала Джина. – Библиотека закрывается в пять. Мы тут сами все доделаем.

– Правда? – обрадовалась я.

– Конечно!

Я кинула тряпку в помещение для стирки и отложила мое средство.

– Не представляю, как вы вкалываете здесь каждый день. Это так тяжело!

– Во-первых, обычно посетителей у нас гораздо меньше, – возразил Лук.

– А во-вторых, если мы втроем не справлялись, Зи нанимала временных помощников, – добавила Джина. – Возможно, тебе стоит взять это на вооружение.

– Ладно, подумаю.

От перспективы поиска нового сотрудника стало не по себе. Пожалуй, подожду пару дней. Если орнитологи не уедут, придется вывесить объявление о приеме на работу.

Лук закончил возиться со стульями и повернулся ко мне.

– Ты взяла схему, как добраться к дому Павежо?

– Взяла. – Я достала из кармана бумажку и с глубокомысленным видом уставилась на нее, притворяясь, что разбираюсь в немыслимых каракулях Лука.

– Может, я все-таки тебя провожу? – уже в третий раз предложил он. – Там легко заблудиться.

– Спасибо, но мне пора самой ориентироваться в городе.

Джина прислонила швабру к застекленному прилавку с выпечкой.

– Дорогу к дому Павежо не так-то просто найти среди густых зарослей.

– Ничего, разберусь. У меня же есть схема Лука, очень понятная и подробная, – соврала я, направляясь к двери. – Не волнуйтесь, я не заплутаю.

– Когда будешь подходить к дому, обязательно крикни, кто ты такая, не то получишь пулю в лоб, – предупредила Джина.

Я обернулась, решив, что это шутка. Однако Джина гово-

рила серьезно.

– Здесь принято охранять дома от грабителей, – с явным одобрением пояснила она. – К тому же после аварии Обин немного не в себе. Раньше он был очень общительным, а теперь отгородился от внешнего мира и живет как отшельник. Порой он бывает не слишком гостеприимен, особенно по отношению к незнакомцам.

– Какой еще Обин? Что за авария?

– Отец Саммер, – ответил Лук. – Шесть лет назад в горах вся семья Павежо попала в автокатастрофу: была зима, гололед, и машину занесло. Она соскользнула по придорожному склону. Саммер отделалась легким испугом, а ее родителям не повезло. Фрэнси погибла. Обин получил многочисленные травмы, ударился головой и покалечил ногу.

– Какой ужас...

Как всегда, рассказ об автокатастрофе напомнил мне о трагической судьбе отца. С усилием отогнав от себя печальные мысли, я повертела в руках коробку с пирогом. Надо во что бы то ни стало передать его Саммер!

– Да, тяжело им пришлось... – Джина цокнула языком.

– Обин вылечился?

– В основном да, – кивнула Джина. – Но с тех пор он очень изменился. Был отчаянным храбрецом и душой компании, а превратился в осторожного, нелюдимого затворника. Никуда не ездит, нигде не бывает, зато на могилу жены приходит словно по расписанию: каждый день в четыре часа, в любую

погоду.

– Он работает? – осведомилась я, припомнив, что Саммер торгует яйцами.

– Уже нет. – Лук вытащил из мусорной корзины наполненный пакет, ловким движением завязал его и отложил в сторону. – Раньше Обин был почтальоном, однако, став инвалидом, не смог больше водить машину. Пробовал устроиться клерком, но через месяц уволился.

– Психологически не был готов выходить на работу. – Джина покрутила пальцем у виска. – Теперь они с Саммер занимаются огородничеством, продают на ярмарке домашнее мыло и разные безделушки. На жизнь им вполне хватает.

Лук сунул в мусорную корзину пустой пакет.

– Я почти закончил. Давай я все-таки тебя провожу, Анна-Кейт. Познакомлю с Обином.

– Нет-нет, – заупрямилась я. Кто знает, почему Саммер сегодня убежала? Может, она не любит, когда рядом много людей? – Я справлюсь – мне не привыкать к самостоятельности.

– Нет, солнышко, теперь ты не одна, у тебя есть мы, – прошептала Джина.

– Спасибо, но вы и так мне много помогаете, – вежливо, но твердо отказалась я и взялась за ручку двери. – Вы меня сегодня очень выручили. Без вас я бы ни за что не справилась.

– Пожалуйста, лапонька, – улыбнулась Джина. – Уж по-

старайся, чтобы тебя не пристрелили. Я очень к тебе привязалась.

– Постараюсь.

Помахав им, я вышла за дверь. Сделала несколько шагов, взглянула на схему Лука и, обнаружив, что иду в противоположную сторону, развернулась. Лук, наблюдавший за мной из окна, укоризненно покачал головой. Я вновь помахала ему и двинулась вперед.

Неожиданно путь мне преградил сэр Птицелюб.

– Извините, что беспокою, мэм. Мы все хотели поблагодарить вас за воду и сэндвичи. Спасибо за угощение. Очень мило с вашей стороны. Мы не рассчитывали провести здесь весь день. – Он протянул руку. – Меня зовут Закарайа Бойд.

– Анна-Кейт Кэллоу. – Я пожала его ладонь. – Только, пожалуйста, не называйте меня «мэм».

К полудню, проведя несколько часов на жаре, орнитологи совсем умаялись. Не могла же я допустить, чтобы они потеряли сознание в моем двореке! К тому же разумнее поделиться сэндвичами с проголодавшимися людьми, чем выбросить оставшиеся продукты в помойку.

Закарайа Бойд вспыхнул.

– Да. Извините.

– А теперь прошу прощения, мне надо идти. – Я вновь взглянула на схему, пытаюсь сориентироваться.

– Еще одну минуту. Можно спросить?..

– Что?

– Говорят, черные дрозды показываются не раньше полуночи. Это правда?

– Правда.

Бойд повернул голову в сторону шелковиц, хотя их отсюда практически не было видно, и его второй подбородок заковылялся.

– Но ведь черные дрозды не летают по ночам...

– На свете есть много удивительного и необъяснимого, мистер Бойд. Дрозды появляются в полночь, ровно на шестьдесят минут.

Закарайа Бойд, хмурясь, взглянул на часы.

– Большое спасибо, мэ... – Оборвав себя на полуслове, он направился к своему стулу у ограды, туда, где лучше обзор.

Такое ощущение, что толпа любителей птиц стала раза в три больше, чем с утра, и продолжала увеличиваться. Даже во время нашего недолгого разговора с Бойдом подошли еще двое, в панاماх и с биноклями на шее. Дворик был до отказа забит стульями, ковриками, фото- и видеокамерами. Подумав, что на всякий случай стоит испечь назавтра еще несколько пирогов, я двинулась дальше.

На углу здания суда располагалась детская площадка. Подойдя ближе, я заметила ту самую женщину, которая сегодня много раз проходила мимо кафе, но так в него и не заглянула. Она играла в догонялки со своей дочуркой. Девочка со смехом бежала, раскинув ручки в стороны, чтобы удержать равновесие. Маленькие ножки трогательно-неуклюже семе-

нили.

– Сейчас мама тебя поймает! – подзадоривала ее женщина, нарочито мелкими шажками огибая поблескивающие на солнце серебристые качели-весы.

Девочка восторженно взвизгнула, и я улыбнулась. Уже и забыла, каково это – просто жить и радоваться, без тревог и волнений. Малышка словно поделилась со мной беззаботным весельем.

С теплым чувством благодарности в душе я зашагала дальше, соображая на ходу, куда идти, но меня остановил голос:

– Подождите! Здравствуйте! У вас с собой пирог! Анна-Кейт!

Я обернулась. Ко мне спешила женщина с дочкой на руках.

– Здрасте, – запыхавшись, выпалила она.

Девочка покраснела от беготни, на ножках грязь. Зато ее мама выглядела безукоризненно. На желтом летнем платье ни пятнышка. В ушах поблескивают золотые сережки-гвоздики. Из волос, собранных в пучок, выбилась всего пара прядей, на щеках горит свежий, здоровый румянец, а помада даже не смазалась. И как она умудрилась, играя с ребенком, сохранить такой безупречный внешний вид?

– Здравствуйте, – ответила я, недоумевая, что ей от меня нужно.

– Пливет-пливет! – Малышка подняла перепачканную

ручку и энергично помотала вперед-назад.

Я тоже ей помахала.

– Какой у тебя красивый цветочек!

Девочка дотронулась до лоскутного пиона на влажных волосиках.

– Лозовый!

– Просто прелесть!

Я улыбнулась ее маме.

– Ваша дочь – само очарование.

– Спасибо. Только она вся вспотела, ей пора купаться.

– Купася!

– Да, купаться, – кивнула женщина. – Да и мне не помешало бы. Я, должно быть, вся всклокоченная и растрепанная. Игры на детских площадках – это что-то! Не всякий выдержит, особенно в такую жару. Кстати, я Натали. Натали Уокер. А это Олли. Вообще-то Оливия-Ли, но мы называем ее Олли. Спасибо, что остановились. Я, наверное, кажусь вам ненормальной... Просто увидела у вас коробку с пирогом и не удержалась. Мне очень нужен пирог «Черный дрозд». Может, продадите этот кусочек?

– Извините, не могу: обещала его подруге. Если не ошибаюсь, вы сегодня прогуливались мимо кафе? Почему не заглянули к нам?

Натали поудобнее перехватила дочку.

– Долго объяснять. Можно попросить вас об одолжении? Для меня это очень важно...

– О чем вы? – насторожилась я.

– Вниз! – Олли завертелась, будто ей в шорты заползли муравьи.

Создавалось впечатление, что она вообще не могла говорить спокойно. Умела только восклицать.

Натали спустила ее на землю, и Олли потопала к стоящей у качелей коляске. Я обратила внимание на бледно-розовый педикюр Натали и с облегчением отметила, что лак кое-где облупился, а белые босоножки слегка запылились. Значит, есть вероятность, что она все-таки живой человек, а не робот.

– Не могли бы вы завтра придержать для меня кусочек пирога «Черный дрозд»? По пятницам Олли забирает моя мама, а я освобожусь не раньше девяти. Боюсь, к тому времени вы уже все распродадите.

В ее глазах мелькнули тревога и еще какое-то знакомое выражение. Я попятилась.

– Вы что... из семьи Линденов?

Она недоуменно уставилась на меня.

– Ну да. Я Натали Линден Уокер.

Похоже, она не слишком рада такому родству. Интересно.

– А как вы догадались? – удивилась Натали, не выпуская из поля зрения дочку.

Олли уселась прямо в грязь и самозабвенно возила по земле игрушечным экскаватором, тарахтя за него своим тоненьким голосочком.

– По глазам. Они точь-в-точь как у дока Линдена. Он заходил в кафе. Кем вы ему приходитесь?

Растерявшись, Натали тоже отступила назад.

– Я его дочь.

– Дочь?! – в свою очередь изумилась я.

Почему никто не сказал, что у меня есть тетя? Родственники всегда от меня что-то скрывали! Не многовато ли накопилось тайн?

Натали испуганно вытаращила глаза. Сейчас она напоминала пойманного олененка.

– Что он от вас хотел?

Я решила не вдаваться в подробности.

– Док пригласил меня на обед в это воскресенье.

– На обед, – обалдело повторила Натали.

Она прижала руку к груди и раскрыла рот. Что-то пробормотала про маму и сердечный приступ. Отвернулась. Вновь посмотрела на меня.

– Честно говоря, вы меня огорошили, Анна-Кейт. Сегодня с самого утра происходят какие-то странности. Сначала мама вертелась около кафе, потом папа вообще зашел внутрь, а теперь еще это приглашение...

У меня вспотели ладони.

– Ваша мама была сегодня в кафе?

– Да, стояла в дверях и подглядывала за происходящим, как заправский шпион, хотя до этого много лет даже не приближалась к «Черному дрозду»... – Натали вдруг застенчи-

во улыбнулась. – Простите. Болтаю почему зря. Просто никак не могу прийти в себя. Родители приглашают на воскресный обед только членов семьи. По крайней мере, так было заведено раньше. А позвать кого-то из рода Кэллоу – это просто...

Натали запнулась и молча покачала головой, не в силах выразить, насколько это невероятно. Вдруг она расширила глаза и, покраснев, принялась приглаживать платье.

– Извините, я несу какую-то чушь. Мне так неловко, Анна-Кейт. Только не подумайте, что мы будем вам не рады...

Я с трудом подавила смех. У Натали был такой несчастный вид... Похоже, она испугалась, что ее слова меня обидели.

– Не переживайте, я отказалась от приглашения.

– От этого не легче. Я вам столько всего наговорила...

– Это от неожиданности.

– Да. – Натали кивнула. – От неожиданности. Или растерянности. Вернее, и от того, и от другого. Спасибо за понимание.

Очевидно, Натали тоже держали в неведении. Она и не подозревает, что я ее племянница.

Вне всякого сомнения, лишь они с Олли не в курсе, что я дочь Эджея. Странно, почему я увидела их только сейчас? Где же они прятались всю неделю?

У Натали явно возникла масса вопросов, но она не решалась их задать. Наверное, следовало бы попрощаться и продолжить свой путь, но секреты уже осточертели. Натали име-

ла право узнать, кто я.

– Вам про меня что-нибудь рассказывали?

– Почти ничего. Я слышала, что вы – родственница Зи и новая владелица кафе. А что?

– Я ее внучка.

Темные брови Натали подпрыгнули вверх.

– А я считала, у Зи нет внуков...

Я глубоко вздохнула.

– А еще я внучка дока и Сили.

Натали на секунду потеряла дар речи.

– Вы... кто?

– Когда моя мама, Иден, уезжала из Уиклоу, она была беременна.

Натали внимательно вгляделась в мое лицо и ахнула.

– О господи! Мне надо идти.

С этими словами она кинулась к Олли и принялась собирать разбросанные по земле игрушки. Сунув их в висящий на коляске рюкзак, подняла Олли на руки и подскочила ко мне.

– Пливет-пливет! – заулыбалась Олли.

Натали порывисто обхватила меня одной рукой и крепко прижала к себе. Олли с готовностью обняла меня за плечо. Я в замешательстве застыла, не зная, как реагировать. Натали с улыбкой отстранилась.

– Добро пожаловать в семью, Анна-Кейт.

– Спасибо, – ошарашенно пробормотала я.

Олли поболтала в воздухе поднятой ручкой.

– Пока!

Я помахала ей в ответ.

Добро пожаловать в семью...

В детстве я мечтала, чтобы у меня была самая обыкновенная семья, как у всех. Родители. Бабушка и дедушка, к которым я бы ездила в гости с ночевкой. Кошка или собака. Дом, где на дверной раме год за годом отмечали бы мой рост, и сад с клумбами, а не цветочные горшки в квартире. Семейные обеды и праздники, чтобы собираться всем вместе за одним столом, смеяться, спорить, дарить друг другу любовь и заботу.

Наверняка все это было у Натали. Меня кольнула зависть. Не скажу, что я росла обездоленной. Мама меня любила. Я всегда была одета, обута, накормлена. Много повидала, научилась самостоятельности. Но все время казалось, что я обделена в чем-то, что в избытке досталось другим детям.

– Не забудь отложить для меня кусок пирога! Увидимся завтра! – усаживая Олли в коляску, напомнила Натали и чуть ли не бегом устремилась прочь.

А я глубоко вздохнула и вновь двинулась в направлении холмов, не решаясь самой себе признаться: я жалела, что не приняла приглашение дока.

Анна-Кейт

Я заблудилась.

Пожалуй, это было даже приятно – заплутать в таком местечке. Я стояла на каменистой проселочной дороге, испещренной узкими мелкими трещинками, словно передержанный в духовке бисквит. Порывы легкого, освежающего ветерка приносили с собой дурманивший смолистый аромат. Высоченные дубы, сосны и ореховые деревья отбрасывали длинные тени, а над обочинами, поросшими высокой травой и яркими цветами, порхали пестрые бабочки.

С самого моего детства Зи прививала мне любовь к природе. Приезжая к нам, она всякий раз уводила меня в лес и, несмотря на мамины запреты, передавала свои знания о целительных свойствах растений. Бабушка постоянно внушала мне: «Предназначение женщин из рода Кэллоу – облегчать чужую боль и врачевать раны, как телесные, так и душевные. Запомни, Анна-Кейт: лечить недуги можно по-разному».

Мама не признавала нетрадиционную медицину, и это служило камнем преткновения в ее спорах с Зи. Противоположность во взглядах привела к непримиримому противо-

стоянию, которое началось еще до моего рождения. А я оказалась между двух огней.

Высоко в небе пролетел ястреб. Тревожно закричала гаичка.

– Птичка, не бойся! Я иду по своим делам! – громко произнесла я.

Но бдительная пичужка не умолкала. Кажется, мои слова ее не убедили. Бедняжка не на шутку встревожилась.

Вытерев запястьем пот со лба, я в очередной раз сверилась со схемой. Я уже миновала последний ориентир – шесть покосившихся почтовых ящиков, которые, казалось, рухнут, стоит только положить в них письмо, – и на пятом по счету перекрестке свернула направо. По уверениям Лука, эта дорога вела напрямик к Павежо, однако через двадцать минут ходьбы обнаружилось, что она раздваивается. Я выбрала сначала одну дорожку. Потом вернулась и прошла по второй. Ни дома Обина и Саммер, ни вообще каких-либо признаков человеческого жилья, кроме разве что отпечатков колес на дороге. Очевидно, недавно здесь проезжала машина.

Я устало плелась вперед. Камни искрились в солнечных лучах, а по обочинам росли кусты барбариса. Отметив про себя, что отвар из его коры помогает при желтухе, я вспомнила о доке Линдене. Вздохнув, приказала себе не думать о нем и продолжила путь.

Птичьи крики стали еще громче. Выходит, гаички волнуются не из-за меня. Насторожившись, я обратила внимание

на шорох в кустах. В зарослях, без сомнения, кто-то прятался, и это была явно не безобидная белка. Машинально отходя от лица назойливую муху, я замерла, вглядываясь в прощелки между деревьями, и попятилась, готовясь к худшему.

Что за зверь там притаился? Бешеный енот? Или кабан? А вдруг здесь водятся медведи?

Я так себя накрутила, что, когда из-под листьев папоротника на дорогу грациозно выскочил пепельно-серый кот, подпрыгнула и завизжала.

Несколько секунд, скованная оторопью, я оценивала комизм ситуации. Выровняв дыхание, я с удивлением узнала того самого кота, которого видела утром в саду.

Кот неторопливо, с чувством собственного достоинства прошествовал мимо, даже не посмотрев в мою сторону, и сел на некотором расстоянии от меня. Оглянулся. Сделал еще пару шагов и призывно мяукнул.

Может, от усталости мне почудились в его голосе нотки нетерпения.

Я неуверенно приблизилась. Кот отступил, соблюдая дистанцию. Я снова подошла. Тогда он вальяжно двинулся вперед. Я последовала за ним.

Минут через двадцать деревья расступились, на солнце блеснул асфальт. Кот вывел меня на ту же дорогу, по которой я сюда пришла.

– Ну, спасибо, – сказала я. – Предлагаешь мне пойти обратно?

Благо, как добраться отсюда до дома, я знала.

Но кот направился в противоположную сторону и остановился, поджидая меня. Его ухо дернулось, и я заметила на нем шрам, вероятно полученный в драке.

– Ясно, домой мы пока не собираемся. Ладно, веди.

Может, я перегрелась? Хотя голова не болит и не кружится, зато все остальные симптомы – учащенное сердцебиение, галлюцинации и неспособность мыслить здраво – налицо. Кот указывает мне путь! Какое уж тут здравомыслие? Правда, когда я перестала бояться встречи с медведем, пульс пришел в норму. Поэтому в собственном диагнозе я все же сомневалась.

Издалека слышался шум приближающейся машины. Кот молнией метнулся в лес. Рев мотора все нарастал, к нему прибавились ритмичные звуки музыки. Из-за холма показался знакомый красный пикап – тот самый, на котором Гидеон Киплинг, мой сосед, неделю назад вез меня из аэропорта.

Я сошла на обочину. Поравнявшись со мной, пикап затормозил. Музыка смолкла, стекло поползло вниз, и него высунулся Гидеон.

– Анна-Кейт, все в порядке? Никак ты чем-то взволнована?

Я заподозрила, что видок у меня тот еще: волосы наверняка растрепались, футболка прилипла к вспотевшему телу, а на покрасневшем лице отражаются растерянность и беспо-

мощность.

– Я немного заплутала... – Я огляделась в поисках кота. Его и след простыл. – Но сейчас уже разобралась куда идти. Вроде бы...

Уголки его губ дрогнули.

– Если что, город в другой стороне.

– Я ищу дом Павежо. Обещала занести Саммер пирог.

– Садись, подвезу. Это недалеко, но заметить дорогу непросто, если не знать, где она.

Непросто – это мягко сказано.

– Подвези, пожалуйста.

Гидеон дотянулся до противоположной дверцы и, открыв ее, убрал с сиденья айпад и несколько банок с медом.

Я юркнула в машину, пристегнулась и со вздохом облегчения утерла пот со лба.

– В Уиклоу всегда так жарко?

Гидеон завел мотор.

– Девять-десять месяцев в году. Вообще-то, здесь, в горах, немного прохладнее, чем на юге штата.

– Прохладнее? Издеваешься? Еще чуть-чуть, и я расплавлюсь. Как тут люди выживают?

– Многие тебе начнут заливать про кондиционеры и привычку регулярно пить воду, – с нарочитым южным выговором заявил Гидеон. – А на самом деле...

– Что? – Меня позабавило, как легко он воспроизводит южное произношение. Обычно по речи Гидеона невозможно

определить, что он с юга.

– Открою секрет, переносить жару лучше всего помогают сладкий чай и сетования. Но больше все-таки чай.

Покинув Уиклоу, мама отказалась от многого, что было ей дорого, но только не от сладкого чая. Мы пили его постоянно, круглый год.

– Учту.

Я обратила внимание, что на заднем сиденье пикапа валяется куча вещей: рыболовные снасти, несколько сложенных брюк и рубашек, две пары обуви – классические мужские туфли и кроссовки, – ящик кабачков и запыленный черный портфель.

– Как прошел первый рабочий день? – поинтересовался Гидеон.

Неделю назад по дороге из аэропорта он своим приятным низким голосом рассказывал мне об условиях в завещании Зи. Чтобы получить наследство, я обязана прожить в Уиклоу не менее шестидесяти дней и все это время управлять кафе. Только после этого имущество Зи перейдет ко мне, и я смогу распоряжаться им по своему усмотрению. Я сразу попросила Гидеона связаться с агентами по продаже недвижимости.

До сих пор изумляюсь требованиям Зи. Как она себе это представляла? А если бы я уже училась в университете или где-то работала? Я что, должна была бы все бросить, чтобы два месяца торчать в Уиклоу?

Я мысленно усмехнулась. Бабушка знала, что делает. Она

всю жизнь мечтала затащить меня в Уиклоу и нашла верный способ добиться своего.

Зи не из тех, кто легко сдается.

– Сносно, могло быть хуже, – ответила я, вспомнив о разбитых тарелках и недовольстве мистера Лейзенби.

– Думаю, со временем ты привыкнешь.

– Да, но тогда уже наступит пора уезжать.

– Сомневаюсь. Почти все, оказавшись в Уиклоу, остаются тут навсегда.

Его слова прозвучали пророчески. Хотя в моем случае на этот счет можно не волноваться: вынужденный переезд в Уиклоу не изменит мои планы. Скоро начинаются занятия в университете. Я уже оплатила первый семестр, подыскала удобную квартиру и договорилась о съеме с первого августа. Мой жизненный путь, по выражению Джины, размечен во всех деталях – не как на маловразумительной схеме Лука, а как в самом современном навигаторе.

– Вот я, например, шесть лет назад приехал сюда из Хантсвилла покататься на горном велосипеде, и Уиклоу меня не отпустил, – добавил Гидеон.

Внимательно присмотревшись, я поняла, что он старше, чем выглядит издали: даже когда Гидеон переставал улыбаться, морщинки вокруг глаз и складки в уголках губ не разглаживались, а в коротко подстриженных рыжевато-соломенных волосах у правого виска серебрилась седина. Подбородок покрывала отросшая за день щетина. Глаза были ян-

тарно-карими, как мед в банках.

– Говорят, в кафе сегодня заходил док Линден. Значит, он уже знает о тебе?

Я даже не стала делать вид, что удивлена, откуда Гидеону это известно. Слухи в Уиклоу разлетаются с поразительной скоростью.

– Да. – Не хотелось даже думать про доктора Линдена, не то что пересказывать наш разговор, поэтому я подняла теплую, нагретую на жаре банку с медом и сменила тему: – У тебя есть пасека?

– Не у меня. У одного клиента. Он расплачивается со мной медом.

Я была благодарна за то, что он не задает больше вопросов.

– Красота! – Я повертела банку в руках, любуясь игрой бликов. – Заработок не бог весть какой, но я бы, пожалуй, не отказалась от такого «гонорара».

– Возьми парочку, – предложил Гидеон. – У меня их много. Тебе нужны кабачки?

– Нет!!! В смысле, спасибо, нет. У Зи в огороде целая грядка.

Неожиданно Гидеон включил сигнал поворота и свернул вправо на узкую песчаную дорожку, скрытую за густой кроной ликвидамбара. Если бы я даже дошла до этого места, все равно бы ни за что ее не заметила.

Ветки заскребли по крыше машины.

– Твоя бабушка была прирожденным садоводом.

– Это правда, – подтвердила я, чувствуя, как в душу вновь закрадывается грусть, вязкая, как мед у меня в руках.

Послышался собачий лай.

– Это Руби, – пояснил Гидеон. – Она очень дружелюбная, но чересчур активная. Так что, если прыгнет на тебя, не пугайся.

Заросли раздвинулись, и мы подъехали к дому внушительных размеров с широкой террасой и установленными на скатной металлической крыше солнечными батареями. А я-то представляла себе, что Павежо живут в ветхой лачуге... Вокруг машины носилась собака цвета молочного шоколада, а на ступеньках крыльца, опираясь на элегантную трость ручной работы, стоял мужчина. Слава богу, никакого ружья у него не было.

– Это Обин. Вы уже знакомы?

– Нет, но Лук и Джина мне о нем рассказывали.

– Ну, тогда я вас познакомлю. – Гидеон заглушил мотор. – Хочешь, я подожду и потом отвезу тебя обратно?

– Что ты, не нужно. Теперь я и сама найду дорогу.

– Я себе не прощу, если из-за меня ты совсем растаешь на солнце!

Я открыла дверцу.

– Не растаю. Спасибо!

– Ну ладно.

Гидеон выбрался из машины, и на него тут же сиганула

Руби. Он погладил собаку и подошел ко мне.

– Не ожидал, что ты приедешь, Гид, – покусывая какую-то палочку, подал голос Обин и обернулся ко мне: – Мэм.

Опять это «мэм»! Вздохнув, я молча кивнула Обину.

Подскочившая Руби начала меня обнюхивать. На всякий случай я приняла более устойчивую позу, чтобы не упасть, и подняла коробку с пирогом повыше.

Обин сунул палочку в карман и свистнул. Руби немедленно подлетела к хозяину и, усевшись у крыльца, забила хвостом по земле, взметая облако пыли.

– Надеюсь, мы не помешали. Анна-Кейт ищет Саммер. – Гидеон быстро представил нас друг другу и повернулся ко мне: – Может, тебя все-таки подождать?

– Не стоит. Спасибо за помощь.

– Всегда рад помочь, Анна-Кейт. – Он помахал Обину и сел в машину.

Руби бросилась вдогонку за отъезжающим пикапом. Обин с беспокойством поглядел на меня.

– Не стойте на солнце. Идите сюда.

Я воображала Обина стариком – вероятно, потому, что такое имя больше подошло бы пожилому человеку. Но ему явно не было и пятидесяти. Стройный, мускулистый, на голову выше меня, с густой копной темных волос. Одет в обтягивающую синюю футболку и мешковатые джинсы. Может, недавно похудел, а может, из-за поврежденной ноги предпочитает широкие штанины.

– Ваша фамилия Кэллоу?

Я поднялась на террасу.

– Да.

– Сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

Я видела, как он что-то сосредоточенно подсчитывает в уме, должно быть, вычисляя, кто мой отец.

– Ясно.

Уверенным шагом, хотя и заметно прихрамывая, Обин направился к застекленной части террасы и распахнул передо мной дверь. Я зашла внутрь.

Стекла покрывала паутина трещин. Краска на дверной раме потускнела и облупилась, потолочные панели провисли и перекосились, а в дощатом полу образовались широкие щели. Зато пара белых кресел-качалок были как новенькие: ни пятнышка. На расположенном между ними деревянном столике лежала библиотечная кулинарная книга, а рядом стояли баночка со льдом и запотевший графин с чем-то красновато-фиолетовым – скорее всего, сладким чаем.

– Садитесь. Я сейчас.

Обин вышел, а я обратила внимание на заваленный старыми верстак у стены. На колонну опирались изящные самодельные посохи и трости. Ручка одной из них была вырезана в виде мордочки Руби.

Хозяин вернулся через минуту, сжимая в больших, крепких ладонях два высоких стакана. Отставив трость, он опу-

стился в кресло и принялся разливать чай.

– Красиво! – Я указала на коллекцию посохов.

– Спасибо. Раньше мы держали свой магазинчик, но тот совсем не давал дохода, и пришлось его закрыть. Отец был резчиком по дереву и научил меня своему ремеслу. Он умер несколько лет назад.

– Очень жаль.

Обин кивнул и поставил передо мной стакан с чаем. Я огляделась.

– А Саммер дома? Я принесла ей пирог. Она забыла его утром в кафе.

– Саммер ушла собирать ежевику.

– Вот как? Тогда, с вашего позволения, я оставлю для нее пирог и не буду больше вас беспокоить. – Я положила коробку на стол.

– Не торопитесь. – Обин подвинул ко мне стакан. – Чай сам себя не выпьет, а вас, несомненно, мучает жажда.

И правда, я могла бы сейчас осушить целый галлон, и то было бы мало.

– Спасибо. – Я отхлебнула напиток и пришла в восхищение. – Потрясающе! Он ежевичный?

– Да. Я месяц разрабатывал рецепт.

– Оно того стоило. – Я снова пригубила чай, пытаюсь распознать состав. – Сюда добавили мед?

– Да, мэм. Но знаете, что делает напиток оригинальным? – Он понизил голос и наклонился вперед. – Гранатовый сироп!

Я опять глотнула из стакана и на этот раз уловила привкус граната.

– Изумительно! Ни за что бы не догадалась добавлять его в чай.

– Сироп я варю сам. В саду растет несколько гранатовых деревьев. Здесь, среди лесов, привыкаешь обходиться тем, что под рукой. – Он вытащил из кармана палочку и опять начал ее жевать – видимо, по привычке.

Только теперь я увидела, что это веточка ликвидамбара. По уверениям Зи, она очень полезна для зубов.

– Мне следовало прийти к вам с ручкой и блокнотом. Я бы с удовольствием внесла такой чай в меню кафе.

– Значит, теперь вы там работаете?

– Да, временно. Скоро я уезжаю в Массачусетс учиться на врача.

– На врача? Да что вы говорите? – ничуть не удивившись, протянул Обин и пытливо посмотрел на меня поверх поднесенного к губам стакана. – У вас мамины глаза. Такой же необыкновенный ярко-зеленый цвет.

– Вы знали мою маму?

Отвернувшись, Обин стал сосредоточенно следить за резвящейся на лужайке Руби.

– Давно. И вашего папу тоже. Вы очень похожи на Эджея.

Я крепко стиснула холодный стакан. Моим родителям, будь они живы, в этом году исполнилось бы по сорок четыре. Скорее всего, Обин – их ровесник.

– Вы часто общались?

– Мы с Эджеем росли вместе. Когда он начал встречаться с Иден, мы иногда ходили куда-нибудь втроем.

– Значит, вы дружили?

Хорошо бы найти кого-то, кроме Линденов, кто мог бы побольше рассказать о моих родителях. Я так хочу понять, какими они были...

– Что такое дружба? – продолжая наблюдать за Руби и поглаживая поврежденную ногу, пробормотал Обин.

В его взгляде промелькнула боль, но выяснять, что ее вызвало – горькие воспоминания или полученная в аварии травма, – я не решилась.

Сердце сиротливо заныло от тоски и одиночества. Я отставила стакан.

– Мне пора. Спасибо за чай.

Поднявшись, Обин проводил меня к выходу и распахнул дверь. Я уже спустилась по ступенькам, когда он вдруг окликнул:

– Анна-Кейт!

Я обернулась. Обин стоял на террасе, опираясь на трость. На его лице лежала печать грусти и сожаления. В груди опять защемило.

– Вы... вы с мамой жили счастливо?

Я не стала вдаваться в подробности, но голос предательски дрогнул, выдавая истинные чувства:

– Что такое счастье, мистер Павежо?

– Некоторые не хотят даже пробовать пирог «Черный дрозд». – Саммер Павежо заправила за ухо прядь волос. – Мой папа, например. Он утверждает, что прошлое лучше оставлять в прошлом.

Мельком отметив, что ее пальцы перепачканы ежевичным соком, журналист уточнил:

– Но вы так не считаете?

Саммер посмотрела в окно на горы, словно вглядываясь во что-то, видимое лишь ей одной.

– Не считаю. Просто я нахожу в прошлом утешение, а папа – только боль.

Журналист надел на ручку колпачок.

– Почему?

Саммер резко повернула голову.

– Вы, кажется, пишете статью о черных дроздах?

– Простите, я слишком увлекся, – улыбнулся журналист.

Девушка кивнула.

– Да, в Уиклоу есть что-то такое: увлечет и потом не отпустит.

Натали

После встречи с Анной-Кейт я поспешила домой, однако родители, к моему удивлению, еще не вернулись. Уже больше семи, а задерживаться допоздна не в их правилах, значит, скоро появятся. По вечерам родители любят посидеть в патио, полакомиться десертом и выпить коктейль. Это своего рода церемониал, столь же незыблемый, как закат солнца.

Олли давно пора спать, но я решила дождаться родителей. Не терпится поговорить об Анне-Кейт. Когда они узнали о ее существовании? Судя по тому, как странно мама сегодня себя вела, – недавно. Теперь понятно, почему она вертелась около кафе: хотела увидеть Анну-Кейт. А меня, по обыкновению, предпочла держать в полном неведении. Неудивительно: мама вечно скрывает все важные дела и события, чтобы оградить меня от опасностей и огорчений. Я за ней как за каменной стеной... сказать точнее, в надежной темнице. Осознает ли мама, насколько угнетает меня своей заботой? Вряд ли. Ведь главное для нее – чтобы мне ничего не угрожало.

Замечательно, что у нее появилась внучка моих лет! Надеюсь, Анна-Кейт хотя бы частично оттянет мамино внимание на себя.

В детстве я с трудом находила друзей, потому что каждого из них сначала должна была одобрить Сили Эрл Линден.

Я избегала дружеских отношений, чтобы не краснеть, объясняя приятелям, почему не смогу зайти к ним в гости. Ни сегодня, ни когда бы то ни было.

Прошло уже больше двух часов с тех пор, как мы с Олли возвратились с прогулки. За это время я успела накормить и искупать дочку, поиграть с ней в кубики и машинки. А теперь, устроившись на диване, читала ей вслух, отслеживая, не зажегся ли свет в доме родителей. Или, как я раньше называла его, «в казенном доме»: всегда ощущала себя там как в тюрьме.

Олли склонила головку мне на грудь. Я погладила ее по мягким, шелковистым волосикам, вдохнула сладкий аромат детского шампуня. Обожаю вот так по вечерам отдыхать вместе с дочкой, нежной и сонной.

Убаюканная моим тихим голосом, Олли прикрыла глазки. Я залюбовалась своей чудесной дочуркой. Меня умиляла ее младенческая невинность и умение простодушно радоваться жизни.

Я обняла малышку, чувствуя, как бьется ее крохотное сердечко, и дочка еще теснее прижалась ко мне. На ней была мальчишеская пижама, разрисованная экскаваторами, тракторами и самосвалами. Олли, в последнее время предпочитавшая играть со всевозможными машинками, сама углядела ее в магазине и пришла в такой бурный восторг, что я не устояла, хотя с деньгами у нас туго. Но я не совсем спятила, чтобы позволить себе бессмысленное расточительство, по-

этому выбрала размер побольше, на вырост.

Мне в детстве никогда бы такую не подарили. Лет до тринадцати я была вынуждена спать в хлопковых ночных рубашках с рюшами, фестонами и вышитыми инициалами. Мне не разрешали носить одежду с изображениями забавных котят, диснеевских принцесс и героев из мультфильмов. И боже упаси, если бы я надела что-то предназначенное для мальчиков! Мама, видимо, считала, что за такой страшный грех ее тут же поразит гром небесный.

Олли сморил сон. Я закрыла книгу и, тихонько отложив ее в сторону, взяла дочурку на руки, прислонилась щекой к ее волосам. В такие моменты я часто думаю о Мэтте. Олли было всего несколько месяцев, когда его не стало. Никак не могу смириться с тем, что он не увидит, как растет наша дочь. Пусть даже это был его собственный выбор.

Сердце заныло при мысли о том, что Мэтт сознательно покончил с собой.

А вдруг это все-таки был несчастный случай?

Я заставила себя дышать глубоко и ровно: так психотерапевт в Монтгомери учил предотвращать надвигающуюся паническую атаку. Вдох – задерживаем дыхание – выдох... Через минуту боль в груди утихла и больше не жгла, а лишь слегка саднила.

Скоро я все узнаю. Завтра же куплю пирог «Черный дрозд» и, если местная легенда – не выдумка, в полночь во сне получу от Мэтта послание. Надеюсь, он объяснит мне,

почему покинул нас. Тогда, возможно, я наконец перестану терзаться и обрету душевный покой. А пока надо терпеть и продолжать дыхательную гимнастику.

Я постоянно замечаю в дочке черты Мэтта: такая же дружелюбная и общительная, так же заразительно смеется. Олли – копия отца. Как бы мне хотелось, чтобы Мэтт увидел, какого удивительного человечка мы создали, что за чудо сотворила наша любовь.

Я смотрела на спящую Олли и изумлялась, как мало ей нужно для счастья: достаточно всего лишь «строительной» пижамы и книги из библиотеки.

Счастье... Рана в душе вновь напомнила о себе. Я готова на все, только бы Олли оставалась такой же веселой и жизнерадостной, чтобы она никогда не узнала, сколько же страданий вокруг.

Поэтому я здесь, опять живу под родительской опекой. Я очень ценю помощь, но в моем возрасте нельзя перекладывать на родителей груз своих проблем. Стыдно сидеть у них на шее...

Так, хватит переживать о том, что невозможно изменить. Иначе совсем затянет пучина сожалений. Всю жизнь я была несамостоятельной. Сначала обо мне заботились мама и папа, потом муж, и вот теперь опять родители. Нельзя больше быть застенчивой и робкой. Пора бы уже стать самостоятельной и независимой. Ради дочери. Ей нужна сильная, решительная, жизнестойкая мама.

Легко сказать...

Боль в груди усилилась, и я мысленно стала повторять алфавит: еще один способ отвлечься, которым поделился психотерапевт.

Взгляд упал на большую перевязанную ленточкой коробку у двери. Мама положила ее у порога вместе с запиской, а я занесла в дом и оставила: неохота было с ней возиться. Я и так знала, что внутри: широкополая шляпа от солнца для Олли. Хотя, если учесть, что все равно придется благодарить за подарок, надо бы посмотреть на шляпу. Вдруг мама начнет расспрашивать, что я думаю о таком цвете, размере или отделке.

Я осторожно опустила Олли на диван и на всякий случай, чтобы она не свалилась, положила рядом подушку. Потом водрузила коробку на барную стойку, отделявшую кухню от гостиной, и вытащила из-под ленточки бумажку. На ней старомодным, округлым почерком, которым мама очень гордилась, выведено:

Натали,

Стейша Дэбади придет ровно в девять утра. Пожалуйста, сделай так, чтобы Оливия-Ли была готова не позже восьми сорока пяти.

М.

Когда мы перебрались в Уиклоу, мама изъявила желание по пятницам забирать Олли. В первую неделю они устроили

в парке пикник для плюшевых мишек, а во вторую ездили в Форт-Пейн на детский спектакль. Я была признательна маме за возможность передохнуть и в то же время боялась надолго отпускать от себя дочку, опасаясь, что мама, по своему обыкновению, будет излишне ее опекать.

Я порывалась положить конец их прогулкам, но мне не хватало духу. Очевидно, что такое решение ранит мамины чувства и разрушит наше хрупкое перемирие. Я не хотела ссор, поэтому молчала.

Но зачем к нам собирается Стейша Дэбади, внучка Корали? Разрезав ленточку ножом для масла, я вскрыла коробку и выложила на стол розовую шляпу с рюшами, розовый купальник, пляжное полотенце – тоже розовое, с красными сердечками – и солнцезащитный крем SPF-50.

К горлу подступила тошнота, ладони вспотели. Стало холодно. Я вспомнила, как в прошлое воскресенье за обедом мама упомянула, что Стейша Дэбади на лето устроилась работать спасателем на пруду в местном парке. Мол, это очень мило, не правда ли? Разумеется, я сразу же сменила тему, посчитав, что мама просто ляпнула, не подумав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.